

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Джеффри

ДИВЕР

ТВОЯ ТЕНЬ

Самое сложное дело Кэтрин Дэнс
и одна из лучших книг Дивера.

New York Times Book Review

Звезды мирового детектива

Джеффри Дивер

Твоя тень

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дивер Д.

Твоя тень / Д. Дивер — «Азбука-Аттикус», 2012 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-22104-8

Музыкальная карьера певицы Кейли Таун набирает высоту благодаря огромной популярности хита «Твоя тень». Но у славы есть и другая сторона. Вступая в невинную переписку с одним из поклонников, Кейли не подозревает, чем это обернется. Тот считает, что ее песни содержат послания, обращенные лично к нему; он убежден, что «Твоя тень» была написана исключительно для него. Вскоре певице начинает казаться, что за ней кто-то следит. В концертном зале, где она репетирует, сначала происходит аварийная ситуация, жертвой которой едва не становится сама Кейли, а затем трагически погибает ее друг, участник группы. Случайно ли это? Впрочем, прямых улик против назойливого поклонника Кейли не найдено. Кроме того, расследующая это дело специальный агент Кэтрин Дэнс, эксперт по кинесике – языку тела, считает: если одержимый человек «верит во все свои выдумки, то кинесика тут бессильна и анализировать его поведение смысла нет». Тем временем события разворачиваются по непредсказуемому сценарию, смерть идет по пятам близких Кейли Таун, а потом и над ее головой нависает угроза... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-22104-8

© Дивер Д., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

От автора	7
Воскресенье	9
Понедельник	33
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Джеффри Дивер

Твоя тень

Jeffery Deaver

ХО

Copyright © 2012, Gunner Publications LLC

All rights reserved

© А. В. Третьяков, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джеффри Дивер – американский писатель и журналист, признанный мастер детективного жанра и триллера, автор более 40 книг, отмеченных в списках бестселлеров по всему миру, включая авторитетные издания The New York Times, The Times, Sunday Morning Herald и The Los Angeles Times. Дивер является президентом Ассоциации детективных писателей Америки.

По мотивам романа Дивера «Собиратель костей» (The Bone Collector) был снят одноименный фильм, получивший в российском прокате название «Власть страха» (1999). Главные роли в картине исполнили Дензел Вашингтон и Анджелина Джоли.

Бывший фолк-певец Джеффри Дивер написал песню «Твоя тень» (Your Shadow) вместе с композиторами Клэем Стаффордом и Кеном Ландерсом. Эта песня наряду с другими композициями одноименного альбома была записана в Нэшвилле при участии певицы Тревы Блумквист и выпущена под лейблом American Blackguard Records.

* * *

Джеффри Дивер бросает вызов читателю, развлекает его и, можно сказать, утоляет читательскую жажду. Если с каждой успешной книгой он ставит метку на своем компьютере, то сейчас одной меткой стало больше.

HuffingtonPost.com

Детально прописаны характеры, герои, буквально оживающие на страницах книги, неожиданные повороты сюжета удерживают читательское внимание до самого финала. Дивер – один из самых популярных писателей у себя на родине, и эта книга служит доказательством, что он находится на вершине карьеры.

TucsonCitizen.com

Самое сложное дело Кэтрин Дэгс и одна из лучших книг Дивера.

New York Times Book Review

От автора

В основе этого романа лежит история кантри-певицы Кейли Таун. Слова песен из ее альбома «Твоя тень» («Your Shadow») тесно вплетены в повествование и вообще играют в сюжете значительную роль. Ознакомившись с текстами в конце книги (см. Приложение), кто-то из вас, возможно, найдет разгадку немного раньше остальных. Если заглавная или другие песни упомянутого альбома, недавно записанного в Нэшвилле, придутся вам по душе, то милости просим на мой веб-сайт www.jefferydeaver.com, где их можно скачать.

Прослушав «Твою тень», большинство читателей пожмут плечами и скажут: «Обыкновенная песня о любви», но наверняка найдутся и такие, кто услышит чуть больше.

Тема: Ответ на письмо: «Ты самая лучшая!!!»

От: noreply@kayleightownemusic.com

Кому: EdwinSharp18474@anon.com

2 января, 10:32

Привет, Эдвин!

Огромное спасибо за письмо! Я рада, что мой последний альбом так тебе понравился! Твоя поддержка очень много для меня значит! Не забудь зайти на мой веб-сайт и подписаться на рассылку, чтобы не пропустить новости о грядущих концертах и альбомах. Буду рада видеть тебя среди подписчиков на «Фейсбуке» и в «Твиттере»!

И обязательно загляни в почтовое отделение! Как ты и просил, я выслала фото с автографом!

*ХО*¹,

твоя Кейли

Тема: «Невероятно!!!!!»

От: EdwinSharp26535@anon.com

Кому: ktowne7788@compserve.com

3 сентября, 5:10

Привет, Кейли!

Мне просто крышу снесло! У меня нет слов! А ведь ты прекрасно знаешь, что я за словом в карман лезть не привык!! Короче, ближе к телу! Вчера вечером я скачал и заслушал твой новый альбом «Твоя тень»! Чтоб мне провалиться, если это не лучшая запись всех времен и народов! Такого я еще не слыхивал! Она мне зашла даже больше, чем «На этот раз все будет по-другому». Помнишь, я как-то говорил, что только тебе под силу передать всю боль моего одиночества? Твоя новая песня полностью отражает мои переживания. А самое главное, я понял, что мы с тобой родственные души! Ты точно так же одинока, как и я! Кейли, я разгадал твое послание: твоя песня – крик о помощи. Но ты не бойся, я с тобой!

Я стану твоей тенью. Навеки.

ХО,

Эдвин

Тема: Перенаправлено: «Невероятно!!!!!»

---

¹ *ХО* – символ, широко употребляющийся в переписке; условное обозначение, заменяющее собой выражение «целую и обнимаю».

От: Samuel.King@CrowellSmithWendall.com

Кому: EdwinSharp26535@anon.com

3 сентября, 10:34

Мистер Шарп!

Мисс Алиша Сешнс, личная помощница наших клиентов Кейли Таун и ее отца Бишоп Тауна, переслала нам Ваше последнее письмо. Два месяца тому назад мы уже просили Вас оставить в покое семью Таунов и их друзей. Однако Вы не вняли просьбам. С тех пор мисс Таун получила от Вас больше пятидесяти посланий и была вынуждена сменить адрес электронной почты. Продолжая раз за разом узнавать (как мы полагаем, нелегальным способом) новые адреса нашей клиентки и заваливать ее письмами, Вы вторгаетесь в личную жизнь мисс Таун и нарушаете не только законы штата, но и закон на федеральном уровне.

Мы еще раз предупреждаем, что Ваше поведение является неприемлемым и дает нам все основания для обращения в суд. Настоятельно рекомендуем отнестись к этому предупреждению со всей серьезностью. Телохранители и местное управление полиции в курсе Ваших неоднократных попыток связаться с мисс Таун и готовы принять все необходимые меры, чтобы пресечь их.

Сэмюэл Кинг, эсквайр;

адвокатская контора «Кроуэлл, Смит и Венделл»

Тема: «Скоро свидимся!!!»

От: EdwinSharp26535@anon.com

Кому: KST33486@westerninternet.com

5 сентября, 23:43

Привет, Кейли!

Разжился вот твоим новым электронным адресом! Знаю-знаю, это противозаконно и все такое, но ты не волнуйся – все будет хорошо!

Лежу сейчас в постели, слушаю твои песни и чувствую себя так, словно я и взаправду стал твоей тенью... А ты – моей...

Какая же все-таки ты классная!

Бьюсь об заклад, у тебя ни секундошки свободного времени нет, но все же, вдруг ты надумаешь послать мне прядку волос? Было бы ну очень круто! Знаю-знаю, ты их не подстригала вот уже десять лет и четыре месяца – за это, кстати, я люблю тебя еще больше!!! – но, быть может, что-нибудь да осталось на расческе? Или на подушке? Твой локон с подушки я берег бы как зеницу ока! Ведь это настоящее сокровище!

С нетерпением жду концерта в следующую пятницу! Скоро свидимся!

ХО!

Навеки твоя тень,

Эдвин

Воскресенье

Глава 1

Концертный зал живет и дышит благодаря слушателям. Стоит толпе схлынуть, и зал, погружаясь в сумрак, мертвеет. Эта внезапная отчужденность пугает, и кажется, что даже стены, надвинувшись, взирают на тебя с враждебностью.

«Ну все, хватит! Что ты, в самом деле, как дитя малое? Прекрати уже фантазировать!» – приказала себе Кейли, расхаживая по сцене и в очередной раз критически оглядывая концертный зал «Фресно конференс». Перед выступлением, которое должно было состояться в пятницу, ей предстояло о многом подумать. Как лучше настроить освещение? Как расположить на сцене музыкантов? Как двигаться по сцене самой? Где безопаснее пожимать руки поклонникам? Откуда посылать воздушные поцелуи? Как направить сценические мониторы таким образом, чтобы каждый из музыкантов слышал и себя, и других участников группы? Чтобы ни паразитные отражения, ни искажения звука не испортили концерт?

Многие исполнители уже давно перешли на мониторные наушники, но Кейли любила выступать по старинке и предавать сценические мониторы не собиралась.

Сотни мелочей требовали внимания певицы.

«Каждый следующий концерт должен быть лучше предыдущего! Вот уж точно, нет предела совершенству! – думала она. – Перед кем бы я ни выступала, мои слушатели заслуживают только самого-самого!»

«Выложиться без остатка и даже чуточку больше!» – таким был ее девиз.

Кейли хотела во что бы то ни стало выйти из тени Бишопы Тауна, своего знаменитого отца, – а для этого нужно было еще постараться.

«Из тени... – задумчиво повторила про себя Кейли. – Не очень удачное словцо!»

Я стану твоей тенью. Навеки...

«А ну соберись! Нет времени на эту чепуху!» – одернула себя девушка. – Надо готовиться к выступлению. Это как раз тот концерт, на котором следует выложиться по полной программе!»

С тех пор как Кейли в последний раз выступала в своем родном городке, прошло всего восемь месяцев, и повторить концертную программу означало бы нанести поклонникам оскорбление.

«Неприменно нужна какая-то изюминка!» – думала певица.

Фанатов у Кейли насчитывалось не так уж и много, но все как один были преданы ей, точно золотистые ретриверы. Тексты песен, гитарные проигрыши, движения Кейли на сцене – все это поклонники уже давно знали назубок. Даже пошутить толком не удавалось! Слушатели узнавали остроты с первых же слов и радостно смеялись, никогда не давая Кейли закончить фразу. Они жили и дышали ее музыкой: знали, что их обожаемая певица любит, а что – нет.

«А некоторым и того мало...» – не унимался внутренний голос, напоминая о настойчивом поклоннике. От мыслей о нем внутри у Кейли все сжалось, будто она январским днем ступила в ледяные воды озера Хенсли.

«Жуткий тип!» – с содроганием подумала девушка и вдруг обмерла. У нее перехватило дыхание.

За ней кто-то следил!

«Но из нашей команды там никого сейчас быть не может...» – Она боязливо глянула на ожившие в другом конце зала тени.

«Неужто разыгралось воображение? Показалось? – Остротой зрения Кейли похвастаться не могла. – Абсолютным слухом и ангельским голосом добрый Боженька меня наградил, а вот на зрение поскупился!»

Певица прищурилась, поправила очки, но почудившееся ей движение – как будто кто-то раскачивался – в дверях, ведущих в подсобку буфета, тут же прекратилось.

«Ничего там нет, – заключила было Кейли, – игра света и тени».

Но доносившиеся из сумрака звуки свидетельствовали об обратном: что-то непрерывно потрескивало, пощелкивало и поскрипывало.

«Стану твоей тенью...» – снова промелькнуло в голове у Кейли, и ее прошиб холодный пот.

Незнакомец, писавший в горячечном бреду сотни сластолюбивых писем. Незнакомец, мечтавший о совместной жизни и умолявший прислать ему обрезки ногтей или прядку волос. Незнакомец, десятки раз фотографировавший ее вблизи у сцены и сам при этом всегда остававшийся незамеченным. Незнакомец, пробравшийся в гастрольный автобус – хотя прямых доказательств тому не было – и укравший одежду и нижнее белье Кейли. Незнакомец, присылавший кучи своих фотографий: толстый, патлатый, неряшливый – на всех снимках в заляпанной едой одежде. Ничего, казалось бы, похабного, но снимки были слишком личные и даже фамильярные – такие посторонним девушкам не присылают.

Стану твоей тенью...

Отец Кейли недавно нанял ей телохранителя. Это был огромный мужчина с головой, по форме напоминавшей пулю. Торчавший из уха пружинкой белый проводок означал, что Дартур Морген при исполнении. Но прямо сейчас Дартур помочь ей не мог. Он проверял автомобили, припаркованные на автостоянке возле концертного зала. Дартур придерживался простой и гениальной тактики: оставаться у всех на виду.

«Вряд ли кто из поклонников, завидев черного мужика весом в двести пятьдесят фунтов, с протокольной рожей, как у гангста-рэпера, – ха, а ведь было дело в молодости! – захочет вообще приближаться к Кейли», – рассуждал он.

Девушка еще раз взгляделась в утопавший в тенях зал.

«Место для слежки просто идеальное: спрятался – и сиди себе, наблюдай! А ну-ка хватит! Соberись! – вдруг разъярившись на саму себя за бесхарактерность, мысленно воскликнула Кейли и сжала зубы. – Немедленно. Займись. Делом».

Волноваться, казалось, и в самом деле было не о чем. Хотя ее музыканты задержались в Нэшвилле – завершать работу в студии, – Кейли осталась не одна. В двухстах футах от сцены над огромным микшерным пультом «Мидас XL8» колдовал Бобби Прескотт. Алиша приводела в порядок комнаты для репетиций. Парочка детей из команды Бобби разгружала бесчисленные кейсы и прибабасы, фанерные листы, стойки, кабели, тюнеры, усилители, музыкальные инструменты, компьютеры – тонны концертного реквизита, без которого даже такая умеренно гастролирующая исполнительница, как Кейли Таун, обойтись ну никак не могла.

«Наверняка кто-нибудь, да подоспеет на подмогу... Если тень вдруг действительно окажется тем самым незнакомцем... – думала Кейли. – Черт возьми, хватит уже фантазировать! Нет там ни его, ни его тени – и быть не может! И почему я не называю этого типа по имени? Чего я боюсь? Накликать беду?»

У Кейли, как и у любой другой певицы с ангельским голосом, имелась маленькая армия поклонников. Но в семье, как говорится, не без уroda, и среди них порой попадались личности весьма странные. Кейли двенадцать раз предлагали выйти замуж и трижды – жениться. Не меньше десяти пар хотели ее удочерить, и чуть ли не с полсотни девочек-подростков мечтали дружить до гроба. Тысячи мужчин жаждали накормить певицу ужином в ресторанчике «Боб Эванс» или угостить выпивкой в коктейль-баре «Восточный мандарин». Но больше всего

поступало запросов от тех, кто зазывал Кейли на брачное ложе, не желая обременять ее брачными узами.

«Кейли, милая, привет! Как насчет поразвлечься? – такие предложения она получала еще на заре карьеры, в семнадцать лет. – Глянь-ка вложение! Уверен, такого ты еще не видела! Ну что? Как тебе? Впечатляет? Фотки мои! Клянусь!»

«И совсем даже не впечатляет, – думала девушка. – Дурацкая идея присылать мне свои фотки в обнаженном виде. Клянусь!»

Вообще-то, признания в любви, которые Кейли получала от поклонников, умиляли певицу. Но незнакомец, намеревавшийся навеки стать ее тенью, пугал до чертиков. Несмотря на обычный для Фресно сентябрьский зной (люди на улицах чувствовали себя, как жаркое на сковородке), девушка невольно поежилась, схватила со спинки стула джинсовую куртку и надела ее – хоть как-то укрыться от пристального взгляда, чудившегося в душном сумраке зала.

И снова слышались эти странные щелчки и поскрипывания!

– Эй, Кейли?

Голос Кейли узнала, но все равно вздрогнула. Пытаясь не подать виду, она тут же обернулась. Посреди сцены стояла крепко сбитая тридцатилетняя женщина в черных обтягивающих джинсах и цветастых ковбойских сапогах. Рыжие волосы коротко острижены, ногти покрыты черным лаком. На руках и спине из-под обрезанной майки синеют блеклые татуировки.

– Прости, кажется, я тебя напугала. Все нормально?

– Да-да, все в порядке. Что там у тебя? – поспешно спросила Кейли и кивнула на айпад в руках у помощницы.

– Только что прислали пробники плакатов. Если сегодня отправим в печать, то к пятничному концерту все будет готово. Ну-ка, глянь, как тебе?

Кейли всмотрелась в снимки на экране планшета.

«Одной музыкой нынче сыт не будешь, – невольно мелькнуло в голове. – Хотя так, наверное, было всегда».

Известность молодой певицы росла, но вместе с тем прибавлялось и забот, с музыкой не связанных. Деловые вопросы отнимали все больше и больше времени, но, к счастью для Кейли, ей помогали родные и близкие. Отец управлял всеми делами группы. Алиша занималась бумагами и составляла расписание. Юристы проверяли контракты. Звукозаписывающая компания подыскивала студии для записи, тиражировала и распространяла альбомы через музыкальные магазинчики и Интернет. Давний друг и продюсер Барри Зиглер из «БХРС Рекордс» организовывал запись новых альбомов. Бобби и его команда техников отвечали за выступления.

В общем, все работали не покладая рук, лишь бы только Кейли Таун придумывала и исполняла хорошие песни.

Но один деловой вопрос Кейли все же держала под контролем: производство разнообразных и недорогих сувениров.

«На концерты ходит в основном молодежь, а денег у них обычно не водится, – размышляла певица, всей душой желая, чтобы каждое ее выступление жило ярким воспоминанием в памяти каждого поклонника. – Нужны плакаты, футболки, брелоки, браслеты, подвески, песенники, банданы, рюкзаки и... кружки. Да-да, и обязательно кружки для мам и пап, которые привозят своих ненаглядных чад на мои концерты и покупают им билеты!»

Внимание Кейли вернулось к плакатам. На снимке она сидела в обнимку со своей любимой гитарой «Мартин» – старинный мини-дредноут, модель 000-18, янтарная еловая дека, уникальный тембр, – точно такой же снимок красовался и в буклете последнего альбома «Твоя тень».

Стану твоей тенью...

«Нет, не станешь!» – огрызнулась Кейли в ответ зудящему внутреннему голосу и покосилась на дверь подсобки.

– Точно все хорошо? – спросила Алиша с едва уловимым тexasским акцентом.

– Точно, – отозвалась певица и попыталась сосредоточиться на пробниках плакатов. Все они выглядели более или менее одинаково, но отличия, так или иначе, имелись: фон, шрифт и слоганы – все чуть-чуть, да разное. На снимке Кейли была точь-в-точь как в жизни. По крайней мере, ей так казалось. Ростом, к глубокому своему сожалению, Кейли не вышла – всего пять футов два дюйма. Лицо слегка вытянутое, но этого, слава богу, никто не замечал: всех приковывал взгляд бездонных голубых глаз, обрамленных бесконечно длинными ресницами. А еще всем, особенно журналистам, не давали покоя губы Кейли: «Коллаген – или все же?..» Если относительно губ мнения разделились пятьдесят на пятьдесят, то насчет волос ни у кого вопросов уже не возникало. Волосы – главный козырь Кейли. Золотые локоны длиной четыре фута – она ни разу не стригла их за последние десять лет и четыре месяца (только кончики подрезала) – развевались на легком ветерке от вентилятора, который любезно подставил знающий свое дело фотограф. Завершали образ модельные джинсы, бордовая блузка с высоким воротником и брильянтовый крестик.

«Кейли, ты должна владеть умами поклонников, – всегда поучал ее отец. – И не только за счет песен! Пускай твой образ стоит у них перед глазами денно и нощно! Мужчина и женщина в кантри-музыке – это два разных полюса. Если ты попробуешь нарушить устои, то поплачешься славой. Мужчине, исполняющему кантри, не обязательно шибко следить за собой: брюхо, сигаретка, испещренное морщинами и поросшее щетиной лицо, мятая рубашка, сношенные башмаки и вытертые джинсы – за примером далеко ходить не надо, ты на меня посмотри! Однако с девушками вроде тебя все обстоит иначе. На концерте тебе лучше выглядеть так, будто ты собралась на свидание, и не с кем-нибудь, а с самим Господом Богом! Короче, Кейли, ты должна быть примером для подражания! Никаких глубоких декольте – ты для слушателей святая! Но обтягивающие джинсы и блузки не воспрещаются – хоть какие-то козыри нужно ведь на руках иметь! Ну а макияж неброский, в пастельных, нежно-розовых тонах».

– Пускай будут вот эти плакаты.

– Супер, – сказала Алиша, погасила экран планшета, на секунду задумалась, а затем прибавила: – Правда, я еще не показывала их Бишопу.

– Ничего, главное, что мне нравятся.

– Да, но ты же знаешь – без разрешения твоего отца я ни шагу ступить не могу.

Теперь задумалась Кейли.

– Ладно, значит, покажи ему, – наконец отозвалась она.

– Как тут акустика? Пойдет? – поинтересовалась Алиша, которая просто жить не могла без музыки. Более того, она время от времени тоже выступала – ее голос отличался приятным тембром. Именно поэтому Алиша и работала помощницей у Кейли, а не у какой-нибудь большой шишки, где за свою серьезность и деловитость она запросто могла бы получать в два раза больше. К Таунам Алиша устроилась только нынешней весной, и выступлений Кейли в этом зале ей слышать еще не доводилось.

– Не поверишь, но акустика здесь просто великолепная! – оживилась певица, оглядывая уродливые бетонные стены. – Не чета залам, построенным в шестидесятые! Умельцы, проектировавшие те помещения, совершенно не доверяли возможностям музыкальных инструментов. Даже академическому оркестру не под силу озвучить такое большущее помещение, решили они и налепили везде, где только можно, звукоотражающих конструкций. Звук действительно стал достигать задних рядов, но вместе с тем увеличилось и количество паразитных отражений. В итоге получился настоящий акустический кошмар наяву: эхо, порождающее эхо, – одним словом, не музыка, а каша! Когда выступаешь в таких залах, порой кажется, будто твоя группа взяла да и сменила вдруг тональность – так сильны эти паразитные шумы!

Но нашему скромному Фресно повезло больше. Этот концертный зал, как мне однажды поведал отец, проектировали, полагаясь исключительно на акустические свойства голоса и

музыкальных инструментов. Деки, струны, трости и кожаные мембраны барабанов – все это для проектировщиков не было пустым звуком!

Кейли уже собиралась попросить Алишу спеть дуэтом – помощница была прекрасной бэк-вокалисткой, – как вдруг заметила, что та, нахмурившись, вглядывается в сумрак зала.

«Утомили, наверное, беднягу мои заумные разглагольствования», – подумала Кейли, но затем присмотрелась и поняла: хмурится Алиша по иной причине.

– Что случилось?

– Разве, кроме нас и Бобби, тут есть кто-то еще?

– Ты о чем?

– Мне кто-то почудился вон у той двери, – отозвалась Алиша и ткнула наманикюренным пальцем в зал.

«Да я же именно там и видела чью-то тень десять минут назад!» – насторожилась Кейли.

Невольно сжимая и разжимая во вспотевших ладонях телефон, певица прищурилась: тени в сумраке зала то оживали, то замирали.

«Есть там кто? Или нет? – размышляла она. – Попробуй разбери!»

– Наверное, показалось, – проговорила наконец Алиша и пожала широкими плечами: на одном из них пестрела татуировка в виде красно-зеленой змеи. – Так или иначе, сейчас там уже никого нет. Ладненько, я пойду. Обедаем в час?

– Да, все верно.

Алиша ушла, а Кейли так и осталась стоять, рассеянно вслушиваясь в удаляющиеся шаги помощницы и вглядываясь в черноту дверного проема подсобки.

– Эдвин Шарп! – вдруг гневно шепнула девушка. – Эдвин, Эдвин, Эдвин!

«Наконец-то я произнесла твое имя вслух! – мысленно воскликнула Кейли. – Раз уж я тебя призвала, то слушай внимательно! Убирайся прочь из моего зала! И без тебя хлопот полон рот! Не бывать тебе моей тенью!»

И она отвернулась от зияющего чернотой прохода в подсобку, откуда за ней, конечно же, никто не следил. Встав по центру сцены, Кейли окинула взглядом расклеенные на пыльном полу полоски малярного скотча, обозначавшие места музыкантов, и прикинула, как ей лучше передвигаться во время выступления.

В следующее мгновение из зала раздался крик.

– Кейли! – подскочил из-за микшерного пульта Бобби, опрокидывая стул и сдергивая с головы чашки мониторных наушников. Он указал на потолок прямо над певицей и яростно замахал рукой. – Берегись! Нет! Кейли!

Она вскинула голову и увидела, что один из семифутовых прожекторов «Колотран» отвалился от крепления на потолке и летит прямо на нее на толстом электрическом кабеле.

Инстинктивно шагнув назад, Кейли споткнулась о гитарную стойку – разве все упомянешь, когда жизнь висит на волоске!

Кейли охнула, замахала руками, пытаясь удержать равновесие, и бухнулась копчиком на подмости. Огромный софит – смертоносный маятник – неумолимо приближался. В отчаянии попытавшись подняться, Кейли, ослепленная светом испепеляющих тысячеваттных ламп, снова упала.

А затем все вокруг погрузилось во тьму.

Глава 2

Кэтрин Дэнс вела весьма насыщенную жизнь и, так сказать, была едина в нескольких ипостасях.

Во-первых, она была матерью: не так давно овдовевшая Кэтрин одна воспитывала двоих детей, без пяти минут подростков.

Во-вторых, Кэтрин работала агентом в Калифорнийском бюро расследований (сокращенно КБР). Будучи специалистом по кинесике, она допрашивала подозреваемых, применяя методы невербального анализа.

В-третьих, Кэтрин была послушной и почтительной (хотя иногда – с кем не случается? – и не слишком примерной) дочерью своих родителей, живущих неподалеку.

И в-четвертых, Кэтрин была меломанкой. Она просто обожала музыку, и если бы не эта отдушина, то от боевых действий на первых трех фронтах она – как пить дать – точно бы свихнулась! Подобно Алану Ломаксу, этномузыкологу прошлого столетия, Кэтрин Дэнс путешествовала по стране и записывала народные песни, испытывая при этом те же самые чувства, что и охотник, отслеживающий оленя или дикую индейку. Время от времени она снаряжала внедорожник и отправлялась на поиски новой музыки: когда с детьми и собаками, а когда и в одиночку – именно так и получилось на этот раз.

Она выехала из Монтерейя и направила свой «ниссан-патфайндер» по шоссе № 152 вдоль засушливых калифорнийских равнин, напрямик в городок Фресно, расположившийся в долине Сан-Хоакин.

«Три часа пути – и я на месте, – думала Кэтрин, – в самом сердце аграрной Америки!»

К огромным заводам долины, видневшимся на горизонте в мареве раскаленного воздуха, тянулись вереницы грузовиков с открытыми двойными прицепами, доверху набитыми чесноком, помидорами и прочими овощами, а также всевозможными фруктами – чего только там не везли! За окном проносились поля: как зеленые, засеянные, так и черные, с которых уже собрали урожай. Остальные невозделанные земли напоминали пересушенный кусок тоста.

Предвкушая встречу с музыкантами, Кэтрин Дэнс давила на газ, оставляя позади шлейф пыли и мертвых насекомых, разбивавшихся о ветровое стекло.

Следующие несколько дней Кэтрин собиралась записывать народные песни мексиканцев, живущих в окрестностях Фресно. Песни музыканты заимствовали у земледельцев, поэтому и группу называли «Лос Травахадорес», что в переводе с испанского означает «Трудяги». Для записи Кэтрин обычно использовала портативный рекордер «Таскам HD-P2» – для агента КБР игрушка дорогая, но окупилась она уже с лихвой. Записанные песни Дэнс редактировала, а затем публиковала на своем веб-сайте «Мелодии Америки», откуда их можно было скачивать за символическую плату. Большую часть выручки Кэтрин отдавала музыкантам. Оставшаяся часть денег уходила на поддержку веб-сайта да на редкие походы в ресторанчик с детьми. В этом нелегком деле Дэнс помогала ее подруга Мартина Кристенсен. Разбогатеть они не разбогатели, но внимание привлекли – за их успехами следили со всех уголков страны.

Кэтрин только-только развязалась с очередным непростым делом в КБР и взяла мини-отпуск. Сына и дочь она оставила родителям. Целые дни дети проводили в музыкально-спортивном лагере, а ночевали у бабушки с дедушкой, поэтому времени у Кэтрин – чтобы записать «Лос-Травахадорес», осмотреть Фресно, исследовать национальный парк Йосемити и, быть может, отыскать новые таланты в этих плодородных (не только на овощи и фрукты) землях – было хоть отбавляй.

Но не одна лишь латиноамериканская музыка привлекала ее в этих краях. Бейкерсфилд-саунд, знаменитое направление в жанре кантри-энд-вестерн, зародившееся в одноименном городке в паре часов пути на юг от Фресно, – вот что манило Дэнс. Возник этот поджанр еще в пятидесятые годы прошлого века как ответ на слишком уж отлакированное – спасибо продюсерам – нэшвиллское звучание. Родоначальниками нового направления стали Бак Оуэнс и Мерл Хаггард, а честь возрождать бейкерсфилд-саунд в наши дни выпала Дуайту Йокаму и Гари Аллану.

Кэтрин глотнула спрайта, попереключала радиостанции и задумалась о Джонатане Боулинге, которого называла просто Джоном. Она хотела взять его с собой и превратить поездку в романтическое путешествие, но Джон, как назло, отказался. В ближайшие несколько

дней Боулингу предстояло вплотную заняться новым проектом. По причинам, которые остались непонятными даже для нее самой, Кэтрин решила не дожидаться Джона и отправилась в вояж одна.

«Наверное, всему виной перенапряжение. Профессиональное выгорание», – размышляла Дэнс, вспоминая, как всего пару дней тому назад они вместе с двумя выжившими жертвами похитителя провожали в последний путь третью, менее удачливую.

Кэтрин включила кондиционер. Погода на полуострове Монтерей держалась теплая, хотя в это время года вполне могло и внезапно похолодать. Поэтому Дэнс на всякий случай оделась в серую хлопковую рубашку с длинным рукавом и голубые джинсы.

«Ну что за красавица!» – сказала она своему отражению в зеркале, перед тем как отправиться в путь.

Зажав руль между коленями, Кэтрин сняла очки в розовой оправе и протерла их платком – капля пота, скатившаяся со лба, неведомым образом оказалась на одной из линз. Термометр «ниссана» показывал тридцать пять градусов по Цельсию.

«А чему, собственно, ты удивляешься? Как-никак сентябрь в Калифорнии!»

У Кэтрин была и еще одна причина для поездки во Фресно: она собиралась встретиться там со своей старой подругой и звездой кантри – певицей Кейли Таун.

Эта исполнительница давно поддерживала проект Кэтрин Дэнс и Мартины Кристенсен, всячески стараясь помогать им в поисках неизвестных широкой публике музыкантов. Не забывала Кейли приглашать приятельницу и на свои концерты – так случилось и на этот раз. Дэнс получила от Кейли билет на ее большой концерт, который должен был состояться в пятницу. Хотя певица и была на добрый десяток лет моложе, тем не менее Дэнс искренне наслаждалась ее обществом. Кейли выступала давно – то ли с девяти, то ли с десяти лет – и к семнадцати годам уже приобрела широкую известность. Однако слава не испортила девушку. Кейли, писавшая зрелые не по годам тексты песен, была не только необычайно талантливой и глубокой личностью, но также и очень позитивным, жизнерадостным, приятным в общении человеком.

А еще Кейли была дочерью легендарного кантри-музыканта Бишоп Тауна.

Кэтрин, оказываясь во Фресно (она приезжала туда когда погостить, когда послушать Кейли, а порой и совмещала одно с другим), не раз и не два пересекалась с отцом подруги. Светящийся киловаттами эгоизма Бишоп Таун, точно медведь, вваливался в комнату и начинал вещать как заведенный: годы пристрастия к огненной воде и белому порошку давали о себе знать – даже несмотря на то, что он давно завязал.

Болтал Таун исключительно про музыкальную индустрию и себя любимого. Каждая его фраза всегда начиналась с большой буквы «Я». Со сколькими легендарными музыкантами Он водил знакомство? Разумеется, с сотнями. У кого Он набирался опыта? Естественно, исключительно у великих маэстро. Кто учился у Него? Ну конечно же, большинство современных суперзвезд. Со сколькими коллегами по музыкальной сцене Он подрался? Ха, да просто не счесть!

Бишоп всячески рисовался и сквернословил – короче говоря, вел себя эпатажно, чем и приводил Дэнс в восторг.

Однако, вопреки громким речам, последний альбом его с треском провалился. Голос и силы оставили Бишопу, и никаким новомодным студийным примочкам вернуть их ему было не под силу. Пропало, увы, и блестящее сочинительское мастерство Бишопу. Записывать хиты уже не получалось: ни запоминающиеся мелодии, ни цепляющие фразочки для припевов его больше не озаряли.

Но Таун по-прежнему оставался кантри-королем: верная свита ловила каждое слово, а кантри-принцесса Кейли и ее карьера находились под его чутким контролем. И горе тому продюсеру, организатору концерта или представителю звукозаписывающей компании, кто обойдется с Кейли не по чести!

За этими мыслями Кэтрин преодолела долину Салинас, в народе именуемую Салатницей. Проехав тысячу миль на запад, Дэнс наконец-то оказалась в огромной плодородной долине Сан-Хоакин, центром которой и был Фресно.

Заурядный рабочий городок, полмиллиона жителей, те же самые проблемы, что и везде: грабежи, убийства и террористические угрозы – средний уровень преступности даже несколько выше, чем по стране в целом.

«Что же, скажем спасибо безработице! Восемнадцать процентов – это тебе не хухры-мухры», – подумала Кэтрин, и взгляд ее задержался на компании бездельников, отиравшихся на углу дома на перекрестке. Молодые люди – все как один в футболках без рукава, шортах-багги или джинсах – с ленцой посматривали на проезжающие машины, переговаривались, смеялись и пили прямо из горла бутылки, спрятанной в бумажный пакет.

Воздух над раскаленным асфальтом и металлом автомобилей дрожал маревом, а пыль стояла столбом. Разморенные на солнце собаки сидели на тротуарах и невидящим взглядом смотрели перед собой. В мелькавших за окнами «ниссана» дворах резвились детишки, прыгая через струйки разбрызгивателей. Для вечно страдающей от засухи Калифорнии эта безобидная игра тянула на серьезное административное нарушение.

Следуя указаниям навигатора, Дэнс быстро добралась до отеля «Маунтин-Вью» на Сорок первом шоссе. Кэтрин даже прищурилась, но никакой горной панорамы, конечно же, не увидела: скромные предгорья на северо-востоке, да и только.

«Может, вид на величественные горы парка Йосемити откроется, когда осядет эта чертова пыльная дымка?» – Путешественница решила не спешить с выводами.

Кэтрин выбралась из автомобиля, и волна жара тут же окатила ее – стало дурно. И немудрено! С тех пор как она завтракала вместе с детьми и кормила собак, прошла целая вечность.

Номер еще не приготовили, но Кэтрин было не до того: через тридцать минут, в час дня, они встречались с Кейли. Дэнс зарегистрировалась, оставила сумки на стойке у администратора и запрыгнула обратно в раскаленный докрасна «ниссан».

Кэтрин вбила в навигатор еще один адрес и поехала, внимательно следуя маршруту. Она все гадала, отчего почти все навигаторы разговаривают женскими голосами.

Остановившись на светофоре, Кэтрин проверила телефон: ни вызовов, ни сообщений – пусто.

«Хорошо хоть с работы или из детского лагеря не беспокоят! Но странно, почему это до сих пор нет вестей от Кейли? На нее это не похоже! А ведь она обещала позвонить с утра и подтвердить, что все по-прежнему в силе».

Кэтрин всегда поражалась: как это слава не испортила Кейли? Певица оставалась внимательной к мельчайшим деталям не только в концертной деятельности, но и в жизни – повсюду, чего не коснись!

Кэтрин набрала Кейли еще раз и попала на автоответчик.

«А у хозяев „Ковбойского салуна“ с чувством юмора определенно все в порядке!» – невольно улыбнулась Дэнс, открывая двери в головокружительно прохладный полумрак заведения, – ни одного предмета ковбойского быта! Вся прелесть жизни в седле была отражена исключительно на плакатах, которыми пестрели стены помещения: вот девушка, похожая на клепальщицу Роузи с одноименной картины Нормана Роквелла, скачет по пастбищу; вот она клеймит скот; а вот стреляет из шестизарядного револьвера по бутылкам, нанизанным на жерди изгороди, – абсурд, да и только!

Но еще комичнее девушек-ковбоев изображали на плакатах к вестернам, суперобложках популярных книг, фотографиях, рисунках и коробках для завтраков. Пышногрудые, с непременно развевающимися на ветру локонами, в широкополых шляпах, цветастых шейных платках, замшевых юбках, расшитых блузках и умопомрачительных ковбойских сапогах. Кэтрин

обожала Дикий Запад и владела аж двумя парами сапог от «Ноконас», сделанными под заказ. Однако они не шли ни в какое сравнение с обувью Дэйл Эванс, жены поющего ковбоя Роя Роджерса, взиравшей на Кэтрин с огромного, потускневшего от времени постера к телесериалу пятидесятых годов.

Заказав у барной стойки чай со льдом, Кэтрин залпом выпила его, после чего попросила еще, уселась за выдавший виды круглый лакированный столик и принялась разглядывать посетителей. Пожилая пара. Трое уставших работяг в комбинезонах: небось пахали, бедняги, с самого рассвета. Возле музыкального автомата какой-то долговязый молодой человек в джинсах и клетчатой рубашке. Несколько дельцов в костюмах, при черных галстуках, но без пиджаков. Кейли, конечно же, среди них не оказалось.

Кэтрин не терпелось уже повидаться с подругой, а затем отправиться записывать песни группы «Лос Травахадорес». А еще она просто умирала с голоду!

«Да что же стряслось? – поглядев на часы, уже не на шутку взволновалась Дэнс. – Двадцать одна минута второго!»

Из автомата полилась музыка.

«А вот и она, собственной персоной! – услышав вступление песни Кейли Таун „Я не ковбойша“, усмехнулась Кэтрин. – Идеально подходит этому заведению!»

В песне рассказывалось про мамашу-наседку, вдруг осознавшую, что сердце ее принадлежит диким прериям. Кейли любила сочинять такие шуточные, но содержательные песни. Внезапно, впусив сноп света, дверь распахнулась, и пять темных силуэтов, перешагнув порог, ступили на затертый геометрический орнамент линолеума.

– Кейли! – поднялась Кэтрин навстречу певице.

Та улыбнулась, но от Кэтрин не укрылось, как подруга быстро огляделась, стараясь держаться поближе к окружавшим ее друзьям.

«Что-то не так, – отметила Дэнс. – Ого, да она напугана до чертиков!»

Затем Кейли, по-видимому не обнаружив угроз, расслабилась, шагнула навстречу Кэтрин и крепко ее обняла.

– Кэти, привет! Думала, уже не доберусь сегодня досюда. Как же я рада тебя видеть!

– А уж я-то как рада!

Дэнс удивленно оглядела приятельницу с ног до головы: джинсы, плотная джинсовая куртка – и это в такую-то жару! – роскошные, бесконечно длинные волосы распущены и свободно ниспадают между лопаток.

– А я тебе звоню-звоню! Почему телефон не берешь? – прибавила Кэтрин.

– У нас... в общем, у нас возникли трудности в концертном зале. Но сейчас все в порядке. Прошу любить и жаловать, – повернулась она к спутникам, – это моя закадычная подруга Кэтрин Дэнс.

Кэтрин поприветствовала Бобби Прескотта. Молодой человек лет тридцати с кудрявыми каштановыми волосами застенчиво улыбнулся в ответ. Они с Кэтрин познакомились еще несколько лет тому назад. Бобби походил на актера, вот только застенчивая улыбка никак не вязалась с эффектной внешностью.

Рядом стоял Тай Слокум – гитарный техник из группы Кейли. Длинные рыжие патлы, пухлые щеки. Бобби, на фоне мнущегося в хронической нерешительности Тая, казался просто альфа-самцом.

Хмурая, крепко сбитая Алиша Сешнс, личная помощница певицы, на вкус Кэтрин выглядела как панкушка из манхэттенского рок-клуба.

Четвертым в свите Кейли был здоровенный, накачанный афроамериканец ростом под потолок.

«Наверняка телохранитель», – догадалась Кэтрин.

Само присутствие телохранителя несколько ее не удивило, но вот его настороженность – даже здесь, в любимом ресторанчике и, можно сказать, убежище Кейли, – бросалась в глаза и наводила на мысли. Бодигард буквально просканировал лица посетителей бара: молодой мужчина у музыкального автомата, работяги, дельцы, бармен, пожилая пара – даже старики попали под подозрение! На лбу охранника прямо-таки светилась бегущая строка: «Идет сверка лиц с базой данных. Определяются возможные угрозы».

«Да что происходит? – гадала Кэтрин, разглядывая телохранителя, который сверку с базой данных закончил, но бдеть за Кейли не перестал. – Такие бойцы на вес золота! Наверное, и спит с открытыми глазами!»

– Все чисто, – сказал он Кейли.

А затем пожал Кэтрин руку и представился:

– Дартур Морген.

Афроамериканец внимательно всмотрелся в лицо женщины, и в глазах его мелькнула искра узнавания.

Однако агент КБР Дэнс, эксперт по кинесике, тоже не зря ела свой хлеб: догадка Дартура не укрылась от нее.

«Надо же, сразу меня расколол! – с досадой подумала Кэтрин. – Похоже, у меня на лбу написано, что я коп!»

– Останешься пообедать? – спросила Кейли у Дартура.

– Спасибо, мэм, но я лучше снаружи подежурю.

– Смотри, на солнце зажаришься!

– Так будет безопасней.

– Ну, как знаешь! Тогда охладись! Выпей хотя бы чаю со льдом или газировки. И время от времени забегай сюда, что ли.

Но Дартур ничего пить не стал. Точно боевой корабль, он развернулся и медленно поплыл через полумрак к выходу. Напоследок глянув на восковую фигуру девушки в ковбойке и с лассо, охранник вышел на улицу.

К гостям подскочил тощий официант с меню. Он даже не пытался скрывать, что просто обожает певицу. Кейли – хотя выглядели они с официантом одинаково молодо – по-матерински ему улыбнулась, а затем сердито зыркнула на музыкальный автомат: собственное пение раздражало.

– Ну так в чем дело? – спросила Кэтрин. – Что стряслось-то?

– Хорошо, попробую рассказать, – отозвалась Кейли и кратко поведала подруге, как в ходе подготовки к пятничному концерту один из прожекторов в зале вдруг сорвался с потолка и чуть ее не убил.

– Господи! Ты цела?

– Да, я в порядке. Задница только болит!

Бобби взял певицу за руку, тревожно посмотрел ей в глаза и тихо произнес:

– Кейли, я не знаю, как так вышло! Эти прожекторы не наш реквизит... Мы их не устанавливаем, они там висят со времени постройки зала.

– Да, но ты же проверил их, Бобби, – пробормотал Тай, не отрывая взгляда от столешницы. – Дважды. Все освещение прошерстил. Я сам видел. Такого спеца, как наш Бобби, днем с огнем не сыщешь! – пояснил он. – Очень странно, ничего подобного на моей памяти еще не случилось!

– Если бы эта здоровенная бандура упала на Кейли, – процедила Алиша, – то все – пишите письма!

– Хорошо хоть пожар не начался! Разбейся эта тысячеваттная лампа – зал мигом бы вспыхнул. Я на всякий случай сразу вырубил электричество. Вечером съезжу туда и еще разок

все перепроверю. Ах да! До пятницы надо будет еще как-то добраться до Бейкерсфилда и купить новые гитарную голову и кабинет, а то прежним-то – хана!

Страсти наконец улеглись, и все заказали еду.

«Гулять так гулять! – подумала Кэтрин и решила побаловать себя картошкой фри и сэндвичем с курицей гриль. – Да и поводов предостаточно!»

Во-первых, дело о похитителе раскрыто. Во-вторых, за эти две недели расследования Кэтрин сбросила девять фунтов. И в-третьих, она наконец-то, впервые за долгое время, увиделась с подругой. Кейли и Тай заказали по салату. Алиша и Бобби, несмотря на жару, – кофе и тостады. Разговор зашел про веб-сайт «Мелодии Америки». Слово за слово, выяснилось, что однажды – дело было в Сан-Франциско – Дэнс даже сама пробовала петь, но потерпела полное фиаско.

– У нее просто изумительный голос, – заверила остальных Кейли. Кэтрин с ходу насчитала чуть ли не шесть сигналов фальши и улыбнулась.

– Прошу меня простить, – вмешался в разговор долговязый парень, поставивший песню «Я не ковбойша». – Привет, Кейли!

Молодой человек улыбнулся и кивком поприветствовал Дэнс и остальных, а затем вновь устался на певицу.

– Привет, – весело отозвалась девушка, но голос ее прозвучал настороженно.

– Я тут невольно подслушал ваш разговор. Несчастный случай? Ты цела?

– Да, все обошлось. Спасибо. – На миг повисла тишина, в которой Дэнс отчетливо услышала мысль Кейли: «Спасибо за заботу – и можешь быть свободен». – Ты мой поклонник?

– Самый преданный!

– Что ж, спасибо тебе за поддержку! Придешь в пятницу на концерт?

– Спрашиваешь! Буду как штык. С тобой точно все в порядке?

Вновь повисла тишина – на этот раз уже неловкая.

– Да-да, можешь не сомневаться, – наконец отозвалась Кейли, с трудом сдерживая раздражение.

– Ладно, дружище, береги себя! А нам пора бы и отобедать! – произнес Бобби нарочито громко.

Однако долговязый пропустил слова техника мимо ушей, словно тот был пустым местом. И, сдерживая смех, поинтересовался:

– Кейли, неужели ты меня не признала? Ну как же так?

– Что, прости? – отозвалась певица.

– Мисс Таун не любит привлекать излишнего внимания, – сурово отчеканила помощница Кейли.

– Алиша, да ладно тебе! – воскликнул мужчина.

Алиша вскинула брови и вопросительно взглянула на него: «Откуда ты, черт возьми, знаешь мое имя?»

Но фанат уже снова смотрел на Кейли. Вдруг он залился жутким визгливым смехом:

– Кейли, да это же я! Эдвин Шарп! Твоя тень!

Глава 3

Оглушительный звук эхом прокатился по ресторанчику: стакан с охлажденным чаем выскользнул из рук Кейли и грохнулся об пол, да так, что Дэнс почудился выстрел. Вздвогнув, она невольно дернулась, потянувшись рукой к «глоку», но тут же вспомнила: пистолет остался дома – на своем законном месте в сейфе у кровати.

– Ты... Так ты... Эдвин?! – задыхаясь от страха, сирым голосом переспросила Кейли, во все глаза глядя на мужчину.

Дэнс с тревогой посмотрела на подругу – не ровен час, еще упадет в обморок! Эдвин, сдвинув кустистые брови к переносице и состроив сочувственную гримаску, поспешил успокоить девушку:

– Ну-ну, Кейли! Что это ты так всполошилась? Не волнуйся, я тебя не обижу!

– Но как... – начала певица и покосилась на входную дверь.

«Дартур Морген наверняка при оружии, – поймав ее взгляд, подумала Кэтрин. Мозг агента КБР отчаянно заработал, пытаясь разобраться в происходящем. – Что еще за Эдвин Шарп? Точно не бывший возлюбленный, потому что этого типа Кейли, похоже, видит впервые. Зарвавшийся поклонник? Что ж, это вероятнее всего: Кейли красивая, талантливая и одинокая – идеальная жертва для преследования!»

– Ну это ничего страшного, что ты меня не узнала, – с жаром заверил мужчина сильно встревожившуюся певицу. – Как видишь, я немного похудел! Помнишь ту фотку? Да-да, сбросил семьдесят три фунта! – прибавил он и похлопал себя по животу. – Хотел удивить! Читаю обычно газетенки типа «Кантри уик» и «И-дабл-ви». Так вот, видел твои фотки с парнями: похоже, ты любишь кого постройней! Пухлым я бы тебе точно не понравился! А стрижку зацени! Двадцать пять баксов отдал! Так что теперь все будет супер! Знаю-знаю, мужики вечно только обещают, но я не такой. Не такой, как тот тип в твоей песне «Мистер Завтра». Я буду твоим Мистером Сегодня!

Кейли стало дурно. Она уставилась на Эдвина и не могла вымолвить ни слова.

Если присмотреться, то выглядел назойливый поклонник даже привлекательно: густая черная шевелюра аккуратно подстрижена и уложена на классический манер; лицо вытянутое, слегка угловатое; кожа гладкая и довольно бледная; карие пронизательные глаза глубоко посажены; надбровные дуги сильно выдаются вперед; их венчают густые и кустистые брови цвета сажи. Эдвин действительно сильно похудел: перед Кейли был подтянутый, но все равно очень крупный мужчина.

«Весит, наверное, около двухсот фунтов, – прикинула певица, – да и вымахал прилично: шесть футов и два – а то и все три – дюйма. Руки до колен, ладони мясистые и какие-то неестественно розовые».

И тут Прескотт вдруг резко вскочил и встал между ними. Бобби был широк в плечах, но вот ростом не вышел: на Шарпа ему приходилось смотреть снизу вверх.

– Эй, Бобби! Ты чего взвился? Извини, если что не так! – весело воскликнул Эдвин и вновь с обожанием посмотрел на Кейли. – Почту за честь, если выпьешь со мной чаю со льдом. Я вон в том углу расположился. Кстати, я бы еще хотел кое-что тебе показать!

– Но как ты...

– Как я узнал, что ты сюда придешь? Боже, Кейли, да все в курсе, что это твое любимое местечко! Откуда? Ты про Интернет вообще слыхала? Блоги и все такое? Именно здесь у тебя родилась песня «Я не ковбойша»! – сказал Эдвин и кивнул на музыкальный автомат, игравший эту самую песню.

«Уже по второму кругу!» – заметила Кэтрин.

Я городская девушка, а вовсе не ковбойша,
Хотя веду себя порой с развязной прямоотой:
Не отвожу я глаз, не выбираю слов.
Фанатиков, мошенников, злодеев – сторонюсь.
Я помню лица матери, отца
И знаю, как важны семья, друзья, страна.
Я не ковбойша – эти ярлыки не для меня...
Но все же, если вдуматься в слова...

– Люблю эту песню! – вырвалось у Эдвина. – Просто обожаю! Ну да об этом я тебе уже сотни раз писал.

– Я... – только и смогла выдавить Кейли, чувствовавшая себя точно лань, застывшая в свете фар приближающегося автомобиля.

Бобби положил руку на плечо Эдвина, будто пытаясь его успокоить: враждебности в этом жесте не было, – впрочем, и дружелюбным его тоже не назовешь. Дэнс вся подобралась.

«Если вспыхнет драка, я мало чем смогу помочь. Разве что пушу в ход свое единственное оружие – телефон! – да вызову службу спасения».

Но Шарп даже глазом не моргнул, лишь на шаг отступил от Бобби.

– Ну же, Кейли! Пойдем за мой столик – освежишься! Я угощаю! Лучшего чая со льдом в городе не сыскать! Кому, как не тебе, это знать! Мистер Сегодня, помнишь? Здесь и сейчас! Какие же все-таки роскошные у тебя волосы! Десять лет и четыре месяца, подумать только!

Дэнс не понимала, что все это значит, но последняя фраза Эдвина, похоже, сильно задела девушку: у нее задрожала нижняя губа.

– Мисс Таун сейчас не до поклонников, – процедила Алиша.

Кэтрин даже засомневалась, чей голос звучал убедительнее: Бобби или Алиши? Помощница, в отличие от Прескотта, так разгневалась, что в глазах ее заплясали недобрые огоньки.

– Алиша, а тебе, кстати, нравится работать на Кейли? – спросил Эдвин непринужденно, точно они собрались тут на коктейльную вечеринку. – Сколько ты уже разъезжаешь с ними? Пять или шесть месяцев? Но зачем? Ты же и сама не промах! Талантливая! Я видел твои записи на «Ютьюбе». Вот это голос! Обалденный!

Лицо молодой женщины исказилось, она подалась вперед:

– Какого черта? Откуда ты узнал про меня?

– Слушай, дружище, – произнес Бобби, – давай-ка уже закругляться, что ли.

Тай Слокум медленно поднялся, отодвинул стул и направился к выходу. Эдвин Шарп проследил за ним взглядом. Губы его тронула та самая жуткая улыбка, которая неприятно поразила Кэтрин, когда он впервые подошел к их столику.

В следующий миг в лице Эдвина что-то неуловимо изменилось: он как будто и не предполагал, что получит от ворот поворот. Дэнс заметила, что парень выказывает раздражение. Идея Слокума позвать телохранителя явно прищлась ему не по нутру.

– Кейли, ну пожалуйста! Я бы ни за что сюда не пришел, отвечай ты на мои письма! Мне просто хочется чуточку твоего внимания! Вот увидишь, у нас столько общего! Будем болтать, как старые друзья!

– Я правда не могу.

Прежде чем Дэнс успела остановить Бобби, тот снова схватил Эдвина за руку. Но, к ее удивлению, Шарп просто отступил еще на один шаг.

«Странно, – думала Кэтрин, – почему этот тип так спокоен? Похоже, он не заинтересован в том, чтобы ссориться или драться».

Вдруг яркий свет залил заведение и выхватил их столик из полумрака: Дартур Морген, на ходу снимая очки-авиаторы, неумолимо приближался. Кэтрин увидела, как телохранитель, поджав губы – вероятно, мысленно корил себя, что не признал похудевшего преследователя, – вперился глазами в его лицо и выпалил:

– Так это ты и есть тот самый Эдвин Шарп?

– Вы совершенно правы, мистер Морген.

«В наши дни раздобыть информацию не так уж и сложно, особенно если дело касается знаменитостей, – было бы, как говорится, желание! Но на черта поклоннику тратить время на телохранителя?» – терялась в догадках Кэтрин.

– Я вынужден попросить вас оставить мисс Таун в покое. Она не хочет вас видеть. Вы представляете угрозу для ее безопасности.

– Вы преувеличиваете, мистер Морген. До серийного убийцы Джайлса мне далеко, а Кейли – не такая оторва, как Линдси Лохан! Так или иначе, я не хочу «представлять угрозу». И совершенно точно никого и пальцем не трону! Я просто хотел, чисто по-дружески, посочувствовать Кейли – ей нынче пришлось несладко! – и угостить чаем со льдом. Кстати, присоединяйтесь и вы, мистер Морген!

– На этом мы с вами прощаемся, – пробасил Дартур.

Тон телохранителя не предвещал ничего хорошего, но Эдвин как ни в чем не бывало продолжал:

– Мистер Морген, мы оба знаем, что частный детектив может арестовать человека, только если тот нарушает закон. А я ничего не нарушаю! Разумеется, если у вас, мистер Морген, вдруг заваялся полицейский значок, то...

«Что ж, не хотела я вмешиваться, – подумала Кэтрин, – но, похоже, придется!»

Она поднялась и показала удостоверение сотрудника КБР.

– Ого! – воскликнул Эдвин и долгим изучающим взглядом, словно пытаясь запомнить каждую черту, посмотрел Кэтрин в лицо. – Я вот прям чуял, что ты темная лошадка!

– Документы с собой?

– Ну а куда ж я без них! – пробормотал Эдвин, протягивая водительские права, выданные в штате Вашингтон.

«Так: Эдвин Стэнтон Шарп, проживает в Сиэтле. А изменился парень будь здоров! – разглядывая документы, заключила Кэтрин. – Был толстяк, с патлами сальных волос...»

– Где вы остановились во Фресно?

– В небольшом коттедже возле Вудворд-парка. Выбрал тот, что из новых – на берегу реки. Во Фресно скоро будет жарко. Кстати, ничего такой домишко! – улыбнулся Эдвин.

– Ты переехал во Фресно? – удивленным шепотом спросила Алиша.

От Кэтрин не укрылось, как у Кейли вздрогнули плечи и широко распахнулись глаза.

– Скажешь тоже! Просто арендовал дом. Я сюда ради концерта приехал. Бьюсь об заклад – это будет самый лучший концерт Кейли. Ну просто жду не дождусь!

«Арендовать дом, чтобы сходить на концерт? – подумала Дэнс. – Это что-то новенькое!»

– Да кому ты заливаешь! Ты здесь, чтобы преследовать Кейли! – выпалил Бобби. – Ну, держись! А ведь наши юристы тебя предупреждали!

«Юристы? Да что, черт побери, здесь происходит?» – недоумевала Кэтрин.

Эдвин окинул всех взглядом, и его улыбка потухла.

– Мне кажется... это как раз вы своим поведением расстраиваете Кейли, – произнес он и посмотрел на девушку. – Я понимаю, как тебе трудно. Но ты не переживай – все образуется.

С этими словами Шарп направился к двери, но у выхода задержался, обернулся и сказал:

– До скорой встречи, агент Дэнс. Боже, храни вас за те лишения, что вы испытываете во благо жителей этого штата.

Глава 4

– Да что происходит? – спросила Кэтрин, как только Эдвин скрылся за дверью.

Ответ она получила мгновенно, но картина прояснилась не сразу – присутствующие затараторили наперебой.

Дождавшись, пока все выговорятся и успокоятся, Кэтрин расспросила каждого по очереди и увязала показания в одно целое.

Картина в результате получилась следующая.

Прошлой зимой некий Эдвин Шарп, наслушавшись песен Кейли, так точно отражавших его внутренний мир, написал своей кумирше первое письмо. А затем, убедив себя, будто бы они родственные души и автоматическая стандартная подпись «ХО, твоя Кейли» адресована

только ему, и никому больше, незадачливый поклонник обрушил на певицу лавину восторженных посланий. Почтовый и электронный ящики, «Фейсбук» и «Твиттер» буквально ломились от писем и сообщений, а еще Эдвин заваливал Кейли подарками.

По совету юристов на письма Кейли не отвечала, а подарки, не вскрывая, отправляла обратно. Однако парень не сдавался. Он полагал, будто бы все это происки Бишоп Тауна и его армии законников, всячески старавшихся помешать их любви.

Не раз и не два юристы Таунов просили мистера Шарпа уgomониться: грозили ему и полицией, и судебными исками, но он не унимался.

– Господи, какой же он мерзкий! – произнесла Кейли, и голос ее дрогнул.

Официант, закончив убирать осколки, принес певице новый чай, и она тут же жадно глотнула освежающего напитка.

– Постоянно клянчит у меня то локоны, то обрезки ногтей, то бумажку с отпечатком на помаженных губ! Исподтишка фотографирует меня за кулисами и на автостоянках.

– За этими преследователями нужен глаз да глаз, – поддакнула Кэтрин. – Никогда не знаешь, где повстречаешь! Вчера вроде как был в другом городе, за сотни миль отсюда, а сегодня – здарсьте пожалуйста, околачивается прямо у тебя под окном!

– А видела бы ты мои почтовые ящики! Все завалены письмами! Электронный адрес я сменила, но не прошло и нескольких часов, как он разузнал новый.

– Как думаешь, к несчастному случаю с прожектором Шарп может быть причастен?

– Вообще-то, мерещилось мне всякое нынче утром, – отозвалась Кейли. – Показалось, словно бы в другом конце зала двигаются тени, но наверняка утверждать я не возьмусь.

– А я точно что-то видела! – с уверенностью заявила было Алиша, а затем призадумалась, пожала татуированными плечами и прибавила: – Хотя, пожалуй, тоже ничего конкретного. Ни лица, ни даже человеческого силуэта толком не разглядела.

Подтвердить догадки девушек возможным не представлялось: музыканты в город тогда еще не приехали, техники работали на улице, а Бобби оторвал взгляд от микшерного пульта лишь в то самое мгновение, когда прожектор сорвался с потолка.

– Шерифа и его помощников уже предупредили?

– Да, разумеется, мы сообщили им, – ответила Кейли. – Эдвин, несмотря на все угрозы юристов получить судебный запрет на приближение, все-таки появился. Мы предполагали, что концерт в пятницу он вряд ли пропустит. Шериф нас предупредил: нет состава преступления – нет запрета. Но за Шарпом, в случае чего, присмотреть обещал.

– Я позвоню шерифу и скажу, что наш друг объявился, – сказала Алиша и вдруг усмехнулась. – Его даже искать не придется, он сам нам все выложил!

– Мой любимый рестораник! – воскликнула Кейли, беспомощно озираясь. – Этот тип все испортил! И аппетит теперь пропал! Давайте уйдем отсюда... Извините меня.

Кейли подозвала официанта и расплатилась по счету.

– погоди, – произнес Бобби, подошел к двери, приоткрыл ее и перебрислся парой слов с Моргеном. – Все чисто. Дартур видел, как Эдвин сел в машину и уехал.

– Может, лучше через черный ход? – предложила Алиша. – Так, на всякий случай?

Тай отправился просить Дартура подогнать машину, а свита певицы, в сопровождении Дэнс, тем временем миновала пропахшую пивом кладовую, отвратительно грязную уборную и оказалась на задворках рестораника. Кейли, ступив на растрескавшийся асфальт стоянки, из которого тут и там торчали иссушенные на солнце сорняки, оглядела пыльные автомобили и вдруг ахнула.

Дэнс перехватила взгляд подруги и посмотрела направо: в двадцати футах от них стоял огромный выцветший красный «бьюик».

– Кейли! Зацени тачку! «Бьюик»! Не «кадиллак», конечно, но все же! Круто, да? – высунувшись в окно, закричал Эдвин Шарп и, не дожидаясь ответа, прибавил: – Ты не переживай, позорить тебя я не буду – поеду в хвосте!

Песня Кейли «Мой красный „кадиллак“» – история о девушке, без ума любившей свою старую машину, – заслужила поистине всенародную любовь. Стоило ухажеру выказать неуважение к красоте «кэди», как героиня песни не задумываясь посылала кавалера куда подальше.

– Вали на хрен отсюда, мать твою! – перешел в наступление Бобби. – Черта с два ты разнюхаешь адрес Кейли! Если поедешь следом, мигом загремишь за решетку!

Эдвин покивал, улыбнулся и уехал.

Может, Дэнс показалось – солнце отбрасывало яркие блики, – а может, и нет, но Шарп вроде бы воспринял угрозы Прескотта со снисходительным видом, словно бы и так знал, где живет Кейли.

«Не удивлюсь, если адрес ему и в самом деле известен!» – подумала Кэтрин.

Глава 5

Общеизвестно, что Калифорния всегда славилась латиноамериканской музыкой и была для нее ну просто родным домом. Какие только мотивы здесь не звучали: сальвадорские, гондурасские, никарагуанские... но чаще всего, конечно же, мексиканские. Жанров народной мексиканской музыки было не счесть: мариачи, банда, ранчера, нортеньо... А те жанры, названий которым придумать еще не успели, объединяли под названием «сон-мексикано». А сколько поп- и рок-групп играло в этих краях! Были даже мексиканский ска-панк и хип-хоп!

Многочисленные радиостанции, вещавшие на испанском языке, покрывали всю Калифорнийскую долину: в жилых домах, в автомобилях и на рабочих местах – повсюду слышалась латиноамериканская музыка. Другую половину эфира занимали радиостанции, вещавшие на английском: одна часть – музыкально-развлекательная, а другая – псевдорелигиозная.

Прибыв к девяти часам вечера в душный гараж Хосе Вильялобоса на окраине Фресно, Кэтрин Дэнс наконец-то смогла окунуться в чарующие звуки местной музыки. Стоявший особняком небольшой гараж обычно служил приютом для двух «тойот» семейства Вильялобос – но только не в дни репетиций, и уж точно не сегодня! К приезду Кэтрин Дэнс его превратили в студию звукозаписи.

Шестеро музыкантов из группы «Лос Травахадорес» – мужчины возрастом от двадцати пяти до шестидесяти лет – уже отыграли свою обычную концертную программу и теперь исполняли последнюю песню. Кэтрин же тем временем со всем тщанием записывала их на портативный рекордер. Состав исполнителей не менялся вот уже несколько лет, а репертуар состоял из песен как народных, так и собственного сочинения.

Запись прошла успешно, хотя получилось и не с первого дубля, а виной всему была Кейли Таун: мужчины то и дело отвлекались на привлекательную девушку в потертых джинсах, жилетке и обтягивающей футболке. Свои роскошные волосы Кейли на этот раз стянула на затылке в пучок и перехватила лентой.

Музыканты благоговели перед Кейли, а двое из них, едва только закончилась запись, убежали в дом – позвать жен и детей. Получив автограф знаменитости, одна из мексиканок со слезами на глазах воскликнула:

– Боже, храни вас, Кейли! Если бы вы только знали, как мы все любим вашу песню «Покидая дом родной»!

В этой балладе рассказывалось о пожилой женщине, покидающей дом, где они с мужем вырастили детей. В первых куплетах Кейли не раскрывала подробностей, предоставляя аудитории догадываться, что же все-таки случилось с героиней: то ли она овдовела, то ли банк арестовал недвижимость.

Я пакую чемоданы, собираясь в долгий путь,
Тяжек груз воспоминаний – ни заплакать, ни вздохнуть,
Но я всё возьму с собою, покидая этот край.
Разве я могла подумать, что скажу ему: «Прощай»?

Все сначала, все сначала мне придется начинать
В новой жизни, без семьи и без моих друзей.
Я не знала никогда, но довелось узнать,
Что разлуки с домом ничего нет тяжелей².

Лишь к концу песни слушателям сообщали, что пожилая женщина – иммигрантка, которую депортируют из США, где она прожила всю свою жизнь нелегально. За последней строкой куплета, где героиню высаживали на автобусной остановке в Мексике, следовала кода. «Америка прекрасна» – ее пела Кейли уже на испанском. «Покидая дом родной», как и следовало ожидать, восприняли неоднозначно: противники иммиграционной реформы – в штыки, а нелегалы – на ура. Песня даже стала гимном всех латиноамериканских рабочих и сторонников открытых границ.

Пока музыканты собирались, Кэтрин объяснила им, что будет с их записями дальше.

– Я загружу ваши песни на веб-сайт «Мелодии Америки», а потом уже – как повезет, – сказала она и подумала, что у «Лос Травахадорес» есть все шансы: играют достойно, и желающих скачать записи, вероятно, найдется немало. Тем более количество латиноамериканских радиостанций и звукозаписывающих компаний, ищущих по стране такие музыкальные коллективы, день ото дня росло.

«Возможно, кто-нибудь да обратит на них внимание, – рассуждала Кэтрин, – может, продюсер, а может, и рекрутинговое агентство».

Любопытно, но слава интересовала музыкантов меньше всего. А вот распространить песни через Интернет и подзаработать – это им было по душе.

– Гастролировать по всей стране? Нет уж, увольте! Жизнь на колесах – это точно не про нас! У нас работа, семьи и *bebés*³. Вон у Хесуса близняшки родились – подгузники менять не успевает! – воскликнул Вильялобос и кивнул на довольного молодого мужчину, убиравшего в кофр старинную потрепанную гитару «Гибсон Хаммингберд».

Свой «ниссан» Дэнс оставила на стоянке у гостиницы «Маунтин-Вью», поэтому, попрощавшись с музыкантами, подруги забрались в темно-зеленый «шевроле-сабурбан», принадлежавший Кейли. За рулем сидел Дартур. Все это время он находился в автомобиле и внимательно посматривал по сторонам. Телохранитель запустил двигатель, и они тронулись. На переднем сиденье Кэтрин заметила несколько книжечек в кожаном переплете: на корешках переливалось золотое тиснение.

«Похоже, что-то из классики, – подумала Кэтрин. – Хотя вряд ли днем у Дартура есть хоть минутка, чтобы насладиться литературой. Читает, наверное, по вечерам, чтобы пар спустить. Книжки для него – окно в мир, где нет таких типов, как Эдвин. В мир, куда можно сбежать от постоянных угроз действительности».

– Завидно мне, – вдруг сказала Кейли, глядя на тусклые огни ночного пригорода, проплывавшие за окном автомобиля.

– Завидно?

---

² Здесь и далее песни из альбома «Твоя тень» в переводе Я. Жухлиной.

³ Ребятишки (*исп.*).

– Страшно подумать, сколько музыкантов на вашем с Мартиной веб-сайте! Они играют в свое удовольствие по вечерам и в выходные, услаждая слух родных и близких. Не ради денег! Мне кажется, будто мой талант – мое проклятие, и временами я просто мечтаю от него избавиться! Это я, конечно, вздор болтаю! Но, если честно, я никогда особенно и не хотела быть знаменитой. Ты ведь понимаешь, я просто устала от всей этой славы. Хочу мужа и детей, – произнесла Кейли и кивнула в сторону дома семейства Вильялобос, – чтобы жить, как они. И кучу друзей! А вечерами собираться и петь всем свои песни. Жизнь проходит мимо меня!

Кейли помолчала, а Кэтрин тем временем закончила про себя ее мысль: «А еще, не будь я такой знаменитой, я никогда бы не повстречала этого сумасшедшего Эдвина Шарпа!»

Дэнс поймала отражение подруги в окне: губы поджаты, глаза на мокром месте.

Певица вдруг повернулась к Кэтрин, и вся ее грусть мигом улетучилась.

– А что это мы все обо мне да обо мне? Колись, красотка, что там у тебя на личном фронте? – спросила она лукаво.

– Ну...

– Да ладно, не скромничай! – воскликнула Кейли. – Помнится мне, ты вроде как упоминала про какого-то Джона.

– Мировой мужик! – ответила Дэнс. – Ну просто находка! Раньше работал в Силиконовой долине, а теперь переехал в Монтерей: преподает и консультирует. Но самое главное – он мгновенно поладил с Уэсом и Мегги. Натерпелись мои малютки: с кем я только не встречалась! Уэс особенно страдал. И лишь Джон Боулинг сумел найти с ними общий язык. Прикинь, однажды я даже имела неосторожность познакомить своих деток с настоящим убийцей.

– Да ладно!

– Ну, строго говоря, он не нас хотел убить. Я все пыталась засадить одного преступника за решетку, а мой ухажер хотел добраться до него раньше и укокошить.

– Ну ты даешь! – мрачно отозвалась Кейли, вновь, похоже, задумавшись об Эдвине Шарпе. – Я бы на твоём месте поостереглась!

– Кто не рискует, как говорится, тот... В общем, пока дети души в Джоне не чают – все замечательно!

– И?

– Что и?

– Что дальше-то думаешь делать со своим Джоном?

«Тоже мне, специалист по кинесике! Даже на прямо поставленный вопрос ответить не можешь! Смех да и только!» – мысленно упрекнула себя Кэтрин, поколебалась и наконец сказала:

– Пока не знаю. Поживем – увидим. Я ведь потеряла мужа всего пару лет назад – не хочу спешить.

– Ну ладно, – без энтузиазма протянула Кейли, явно не удовлетворенная отговорками подруги.

А Кэтрин тем временем призадумалась. Джонатан Боулинг – Джон – ей нравился. Даже очень. Да что там! Она иногда ловила себя на мысли, что любит его. И не раз, лежа с ним в постели, когда они сбегали от всех за город, готова была рассказать ему о своих чувствах. Кэтрин верила, что и Джон – добрый, покладистый мужчина с приятной внешностью и исключительным чувством юмора – тоже любит ее не меньше.

Но ведь был еще Майкл.

Майкл О'Нил работал детективом в управлении шерифа округа Монтерей много лет. И все эти годы они с Дэнс были ну просто не разлей вода. Они находились на одной волне, понимали друг друга без слов, смеялись над одними и теми же шутками, выбирали в меню одинаковые блюда и вина, с жаром спорили, но никогда не ссорились. Майкл виделся Кэтрин просто идеальным супругом.

Если не считать одного «но». Майкл был женат на Анне.

Однако стоило только Кэтрин Дэнс прикипеть к Джону, как вдруг произошло неожиданное: Анна бросила мужа одного с детьми и, не дожидаясь развода, рванула в Сан-Франциско. Хотя Майкл и уверял Кэтрин, будто процедура развода запущена, ей тем не менее казалось, что все это вилами на воде писано, – конкретных сроков он не называл.

«А тут есть что обсудить! – подумала Дэнс. – Как раз об этом ближайшим вечером мы и поговорим с Кейли!»

Через десять минут Морген остановил «шевроле» у входа в гостиницу «Маунтин-Вью». Пожелав Кейли и Дартуру доброй ночи, Дэнс уже взялась было за дверную ручку, как вдруг у певички зазвонил мобильный. Девушка, глянув на экран, нахмурилась и нажала кнопку «принять вызов».

– Алло? – Она на мгновение прислушалась, а затем настойчиво повторила еще раз: – Алло? Кто это? Говорите!

Наконец Кейли убрала телефон от уха, посмотрела на Кэтрин, потом снова на экран телефона:

– Что за фигня? Очень странно!

– Что такое?

– Кто-то позвонил и, вообще ничего не сказав, включил первый куплет песни «Твоя тень».

Дэнс как раз накануне слушала эту песню из последнего альбома Кейли и слова помнила хорошо. Едва прозвучав в радиоэфире, «Твоя тень» в мгновение ока взобралась на верхние строчки хит-парадов.

Ты выходишь на сцену, свои песни поешь,
Расцветают улыбки, ты плохого не ждешь,
Но души никогда не хватает на всех,
Дорогою ценою оплачен успех.

– Дело в том, – добавила Кейли, – что играла... запись с концерта.

– Ты же вроде как принципиально не записываешь живые выступления, – сказала Дэнс, припоминая навязчивую идею подруги насчет того, чтобы полностью контролировать звучание своих песен.

– Да, так и есть. Звучала любительская запись, но очень хорошего качества, – произнесла Кейли, не отрывая задумчивого взгляда от экрана телефона. – Настолько хорошая, что любой другой мог бы запросто подумать, будто я пою прямо в трубку... Что еще за глупые розыгрыши?

– Номер знаком?

– Нет, код города не здешний. Думаешь, это Эдвин? – напряженным голосом спросила Кейли и посмотрела в темные глаза Дартура, взиравшего на нее через зеркало заднего вида. – Погодите-ка! Только мои родные и друзья знают этот номер. Как он его выяснил? – воскликнула девушка и поморщилась от собственной догадки. – Наверное, точно так же, как и электронный адрес.

– Может, кто-то из группы решил пошутить? – предположила Дэнс.

– Даже не знаю. Со мной впервые такое.

– Продиктуй-ка мне номер. Наведу справки. Заодно и Эдвина проверю. Как там, говоришь, его фамилия?

– Шарп. Как фирма – производитель электроники. Ты в самом деле можешь что-то выяснить?

– Спрашиваешь! – воскликнула Дэнс, записала номер, вылезла из «шевроле», и на том подруги распрощались.

– Дартур, поехали домой! – скомандовала Кейли.

Пока Дартур выруливал с автостоянки гостиницы, девушка с тревогой поглядывала по сторонам: не затаился ли где Эдвин Шарп?

Кэтрин переступила порог гостиницы «Маунтин-Вью». Из головы все никак не шли строчки из песни «Твоя тень»:

Ты выходишь на сцену, свои песни поешь,
Расцветают улыбки, ты плохого не ждешь...

Глава 6

Кэтрин Дэнс задержалась у барной стойки, заказала бокал красного вина «пино нуар» и пошла к себе в номер. Снимать с дверной ручки табличку «Не беспокоить» она не стала. Когда еще представится возможность поваляться в кровати подольше? Для матери двух детей это непозволительная роскошь.

Кэтрин приняла душ, накинула халат, отхлебнула вина, плюхнулась на кровать и нажала на телефоне цифру 3 – быстрый набор Ти-Джея Скэнлона. Трубку он поднял мгновенно.

– Здорово, босс! – услышала Кэтрин радостный возглас Скэнлона на фоне какого-то странного шума. Раздавались позвякивания, вскрики, гудки – как будто кто-то играл на каллиопе!

«А как, кстати, на самом деле звучит каллиопа? – задумалась вдруг Кэтрин. – Вот бы послушать!»

– Ты где это там? В зале игровых автоматов?

– На ярмарке! У меня свидание! Как раз ждем своей очереди на русские горки, но для тебя я готов отстоять ее заново... – Голос Скэнлона отдалился. – Это с работы... – пояснил он кому-то. – Да-да, ты пока допивай лимонад... Нет, с лимонадом на горки нельзя. Ты понимаешь, что значит вверх тормашками?

Скэнлон прослыл в местном отделении КБР белой вороной. В их конторе не любили вольнодумцев вроде него, но, когда дело касалось сложных заданий и кропотливой работы под прикрытием, парню не было равных. А еще он собаку съел на эстетике шестидесятых. Ти-Джей досконально знал творчество Боба Дилана и обожал цветастую хипповскую одежду и лавовые лампы.

«Странный, конечно, тип, – в очередной раз подумала Кэтрин, – но кто я такая, чтобы его судить? Сама-то хороша! Взяла недельный отпуск и поехала во Фресно – и зачем? Записывать песни никому не известных фермеров-музыкантов – наверняка нелегалов – в душном гараже! Ну и кто же из нас еще более странный?»

– Мне нужна твоя помощь. Надо кое-кого по базе пробить, – сказала Дэнс, кратко ввела Ти-Джея в курс дела и продиктовала ему номер шутника, звонившего Кейли.

– А на этого вашего Эдвина Шарпа вообще есть что-нибудь? Что-то конкретное? Может, проверить? – спросил Ти-Джей.

– Обычный тип. Попробуй найти судебные иски, запретительные приказы⁴ или обвинения в преследовании: пробей по базам судов Калифорнии и Вашингтона. Ах да, и можно еще посмотреть Орегон.

---

⁴ *Запретительный приказ* – в англосаксонском праве вид судебного приказа, которым суд предписывает тому или иному лицу воздерживаться от совершения определенных действий в отношении другого лица; обычно используется как средство

– Хорошо! Будет сделано! Так, значит, сосны, «пино нуар» и сыр?.. Ах, черт! Это я с Висконсином перепутал!

– Ну ты даешь! Ладненько, Ти-Джей, хорошего тебе вечера! Отдыхай как следует!

– Мы и так веселимся на полную катушку! Вот панду тут выиграл для Сэди... – Голос Скэнлона снова отдалился. – Слушай, я ведь не шучу! Ты, похоже, не знаешь, на что способна центробежная сила... Ладно, Кэтрин, давай, до скорого!

Дэнс сбросила звонок и набрала Джона Боулинга, но попала на автоответчик. Отпив вина, она решила, что пора уже укладываться спать. Кэтрин поднялась, зашторила окно, почистила зубы, сменила халат на безразмерные шорты и выцветшую розовую футболку – ночную рубашку она надевала только по особым случаям – и улеглась в кровать.

Перекатившись на бок, женщина пошарила рукой в поисках выключателя света, да так и замерла как громом пораженная.

Окно!

Прежде чем отправиться в гараж к Вильялобосам, Кэтрин задернула и тоненькие тюлевые занавески, и плотные шторы – окна номера на первом этаже выходили на автостоянку и маленький парк, находившийся за четырехполосным шоссе.

И пять минут назад она снова задернула те же самые тюль и шторы!

Получается, что кто-то успел побывать в номере! Неужели горничная не заметила табличку «Не беспокоить»?

«Нет, это точно не горничная. Комната как была в беспорядке, так и осталась. Постель по-прежнему смята, – подумала Кэтрин, вспоминая, как днем плюхнулась на нее, когда болтала с детьми».

Ничего, казалось, не изменилось. Темно-зеленые чемоданы лежали именно там, где она их и оставила. Одежда висела в стенном шкафу на антивандальных плечиках, а пять пар обуви стояли в ряд у комода – все казалось нетронутым. Ноутбук никто не открывал, да и смотреть там постороннему нечего: вся переписка и документы хранились под надежным паролем.

Кэтрин погасила свет и посмотрела в окно. Половина двенадцатого ночи, шоссе замерло, парк опустел и затих...

«Или не опустел? – встрепелась она. – Вроде бы там кто-то прячется в тени деревьев!»

Разглядеть человека в парке не представлялось возможным – слишком темно. Но в одном Дэнс ошибиться точно не могла: этот кто-то курил. Крохотный оранжевый огонек то поднимался, когда курильщик затягивался, то вновь опускался.

Кэтрин припомнила, как Эдвин Шарп пристально, не спеша оглядел ее с ног до головы в ресторанчике.

«Черт, да он буквально отсканировал мое удостоверение! За этими преследователями нужен глаз да глаз! Они собирают информацию настолько тщательно, что агентам КБР и не снилось. А Шарп в этом деле, похоже, проявляет недюжинный талант! Все ведь разнюхал про Кейли и ее команду! Надо думать, теперь первостепенная задача для Эдвина – выключить меня из игры. Чтобы лишних препятствий не чинила!»

Кэтрин, конечно же, понимала, что все это могло оказаться лишь простым совпадением. В номер приходил электрик или сантехник – мало ли что могло случиться! Если так, то вряд ли они, увидев табличку «Не беспокоить», стали бы церемониться и откладывать работу. Кэтрин позвонила на стойку регистрации, но администратор сообщил, что ситуацию прояснить не может, поскольку не в курсе.

Заперев окно на шпингалет, а дверь на цепочку, Дэнс через щель в занавесках вгляделась в темноту парка. Хотя луна и выплыла из-за туч, на улице не было видно ни зги.

«Черт бы побрал этот туман! – сетовала Кэтрин. – Ни черта не видно!»

Курильщик затянулся, огонек разгорелся сильнее, а затем вдруг полетел вниз и через мгновение погас, – вероятно, его затушили ботинком. Все замерло.

«Неужели он следил, чтобы убедиться, что я погасила свет, легла спать и угрозы для его планов больше не представляю? – задумалась Кэтрин, забралась в постель и закрыла глаза. – А чего это я, собственно, так разволновалась? Надо спать».

Но она уже наперед знала, что сон этой ночью придет к ней не скоро.

Глава 7

В голове у Бобби крутилась песня Джексона Брауна «The Load-Out» из альбома «Running on Empty», записанного еще в семидесятые годы. Эту песню Браун посвятил техникам сцены.

Обычно все лавры достаются певцу, и никто даже не задумывается, сколько народу занимается приготовлениями к концерту.

Джексон Браун восстановил справедливость и написал единственный в своем роде гимн техникам сцены. Бобби Прескотт любил эту песню и частенько напевал ее себе под нос.

Около полуночи Бобби припарковал у концертного зала гастрольный фургон «ниссан-квест», выбрался наружу и потянулся. Съездив в Бейкерсфилд, он привез ламповый – да, да, точно такой, как древние телевизоры и радиоприемники! – гитарный усилитель. Эти усилители собирали для семьи Таун на заказ. Транзисторной аппаратуры Бишоп Таун не признавал, поэтому вся группа Кейли играла исключительно через «лампу». Когда Бишоп – Старик, как любовно называли его техники, – сам давал концерты, вся сцена была заставлена легендарными усилителями «Marshall JCM2000 TSL602s», «Fender Deluxe Reverb IIs», «Traynor Custom Valve YCV20WRs» и «Vox AC30s». Спор о том, какой усилитель звучит лучше – ламповый или транзисторный, – был извечным. Сторонники ламповой аппаратуры утверждали и утверждают, что на транзисторном усилителе добиться «того самого теплого» звука, обогащенного обертонами и гармониками перегруженных ламп, просто-напросто невозможно.

Бобби Прескотт и сам играл на гитаре. При необходимости он с легкостью мог подменить музыканта на выступлении – да и не было, наверное, в музыкальном мире такого техника, который не знал бы инструментальных партий своей группы. А что касается лампового звука, то его тягучий тембр Бобби считал идеальным для блюза.

Он открыл дверь концертного зала, вкатил усилитель, а затем занес коробку с креплениями и страховочными тросами.

«Нет, ну надо же! – сетовал Бобби, вспоминая утреннее происшествие с прожектором, чуть не убившим Кейли. – О Иисус, даже подумать страшно...»

Концертная деятельность порой и в самом деле таила массу опасностей. Отец Бобби, Роберт-старший, все шестидесятые и семидесятые годы проработал звукорежиссером и имел дело с такими серьезными группами, как «Битлз» и «Роллинг стоунз». Однако приходилось Роберту-старшему сталкиваться и с музыкантами, вставшими на путь саморазрушения. Эти безумцы, враждебные ко всему миру, методично убивали себя, пичкая наркотиками и накачивая спиртным. Многие из них садились за руль в нетрезвом виде и рано или поздно разбивались, попав в аварию.

Но даже если не принимать в расчет безрассудного поведения, вероятность несчастного случая все равно оставалась – и немаленькая! Взять хотя бы электричество. Только среди своих знакомых Бобби с легкостью мог насчитать трех человек, убитых током. Да мало ли всяких историй. Двух вокалистов и одного гитариста, например, ударило молнией прямо посреди выступления. Один техник оступился, свалился со сцены и сломал себе шею. А сколько народу погибло в гастрольных турах! С полдюжины человек разбились в ДТП: некоторые из них просто заснули от переутомления за рулем. Еще нескольких подвели тормоза: случилось, что гру-

зовики с концертным оборудованием, соскочив с колодок, давили несчастных техников, разгружавших оборудование. В общем, трагедий – не перечесть.

Но вот погибнуть от прожектора, упавшего с потолка? Такого Прескотт еще не слыхивал!

«Сорвавшийся прожектор – случай сам по себе исключительный, – рассуждал он. – А уж если учесть, что он полетел прямой наводкой на Кейли... Фантастика какая-то!»

Бобби невольно представил себе эту ужасную смерть и поежился.

В огромном помещении, подсвеченном лишь табличками «Выход», кишмя кишели тени. Хотя утро и не задалось, Прескотт был рад вновь оказаться в зале. Они с Кейли практически одинаково любили музыку, но кое в чем их взгляды все же не совпадали. Музыка для Кейли – прежде всего ремесло, а концертный зал – площадка для самовыражения. Для Бобби же то и другое было окружено романтическим ореолом. Он считал зал местом чуть ли не священным, намоленным. По мнению Прескотта, стены зала, поглотив некогда сыгранные звуки, вибрировали ими и по сей день. А ведь это уродливое бетонное здание во Фресно кого только не повидало! Даже список тех, кого сам Бобби здесь слышал еще мальчишкой, поражал воображение: Боб Дилан, Пол Саймон, «Ю-Ту», Винс Гилл, «Юнион стейшн», Арло Гатри, Ричард Томпсон, Розанна Кэш, Стинг, Гарт Брукс, Джеймс Тейлор, Шанайя Твейн... – и список этот можно было продолжать до бесконечности! Прескотт свято верил, что голоса музыкантов и их инструментов – струнных, духовых и ударных – сделали это место уникальным и вдохнули в него жизнь.

«Передвинули! – возмутился Бобби, когда подошел к сцене. – Черт, я же велел ничего не трогать!»

Перед уходом он опустил прожектор на сцену, а теперь черная громадина лежала на самом краю оркестровой ямы – в добрых тридцати футах от места падения.

«Кто же это, интересно, тут самовольничал? Ну, попадись мне только на глаза! Убью! – негодовал Бобби, сокрушаясь, что разобраться в произошедшем уже вряд ли получится. Он опустил на корточки и осмотрел прожектор. – Как, черт возьми, ты отвалился от потолка?.. Неужели это козни Эдвина, мать его, Шарпа? А что, вполне может быть...»

Поглощенный мыслями, Прескотт не услышал за спиной шагов. Вдруг он потерял равновесие – кто-то его сильно толкнул, – хрипло вскрикнул и кувырком полетел вниз. Прямо навстречу бетонному полу оркестровой ямы, чтобы в следующее мгновение сломать руку и челюсть.

«О господи, только этого еще не хватало...» – Прижавшись щекой к бетону, бедный техник лежал, тупо уставившись на торчавшую из предплечья окровавленную кость.

Бобби принялся звать на помощь. Он громко стонал, выл от боли и кричал, но все тщетно.

«Кто? Кто, черт побери, это сделал? – лихорадочно соображал Прескотт. – Эдвин?.. Неужели он подслушал, когда я излагал свои планы в ресторанчике?»

– Помогите!

В ответ – тишина.

Бобби полез за телефоном, но тело пронзила такая боль, что он едва не потерял сознание.

«Мобильник надо достать... иначе от потери крови я точно сдохну! – подумал Прескотт и снова глянул на кость. – Господи, какая же она белая!»

Сквозь собственные хрипы Бобби вдруг различил над головой какой-то слабый скрежет. Он ухитрился взглянуть вверх и охнул.

«Нет!.. Черт, нет!»

Прожектор на краю оркестровой ямы угрожающе навис над Бобби.

– Нет, пожалуйста! Кто здесь? Пожалуйста, не надо!

Цепляясь пальцами здоровой руки за бетонный пол, Прескотт попытался отползти, но тщетно – ноги не слушались.

«Так, кажется, получается! – сдвинув тело на пару дюймов, подумал Бобби, как вдруг его осенила догадка. – Я же могу перекатиться через здоровую руку!»

Но мысль эта пришла ему в голову слишком поздно.

Громадина прожектора, словно состав поезда на полном ходу, врезалась бедняге в спину. Раздался сухой треск, и вся боль вдруг разом исчезла.

«Прямо по позвоночнику...» – подумал Бобби и потерял сознание...

Через некоторое время Прескотт очнулся. Сколько именно он тут пролежал: несколько секунд, минут или часов – определить было сложно. С уверенностью Бобби мог сказать лишь одно: оркестровая яма залита ослепительным светом, а значит, громадина, обрушившаяся ему на спину, включена.

А затем Бобби увидел на стене пляшущие тени. Через мгновение он уловил мерзкий запах горящих волос, плоти и все понял: тысячеваттные лампы прожектора поджаривают его заживо, а он ничего не чувствует.

Понедельник

Глава 8

Кэтрин Дэнс разбудил надрывающийся телефон. Выпростав руку, она дотянулась до мобильного, но обронила его. Затем нащупала было и снова выронила...

«Кому это, черт возьми, неймется ни свет ни заря? – спросонья попыталась сообразить Кэтрин, отыскивая аппарат. – Отпуск у меня, в конце-то концов, или где?»

В первую очередь подозрение пало на детей.

Во вторую – на родителей.

В третью – на Майкла О'Нила, расследовавшего запутанное дело, связанное то ли с уличными бандами, то ли с террористами.

«А может, это Джон Боулинг? – подумала Кэтрин, нажимая зеленую кнопку „принять вызов“ – разглядеть номер без очков она даже не попыталась. – Интересно, как он там?»

– Алло?

– Разбудил тебя, босс?

– Кто это?

– Мне очень жаль.

– Очень жаль? В каком смысле? Что у вас произошло? – затараторила Кэтрин, совсем как в ту ночь, когда патрульный, предварительно выразив сочувствие, доложил ей по телефону, что Билл – а вместе с ним и все ее планы на долгую и счастливую семейную жизнь – погиб.

– Да это не у нас произошло, а у вас, – узнала она наконец голос Ти-Джея Скэнлона.

«Господи, который час? Ничего не соображаю! – подумала Дэнс. – Четыре? Пять утра?»

– Ты, наверное, уже слышала?

Кэтрин с трудом села в кровати и с облегчением стянула футболку, так и норовившую задушить ее этой беспокойной ночью.

– Ладно, давай все по порядку.

– А, так ты, стало быть, еще не в курсе?

– Не в курсе? Что значит «еще не в курсе»?

– Кэтрин, хватит уже повторять за мной, как попугай! – заметил Ти-Джей и продолжил: – У вас во Фресно этой ночью произошло убийство.

Сон как рукой сняло.

– Выкладывай.

– Убит один из участников группы Кейли Таун.

– Боже... Кто именно? – уточнила Кэтрин, откинула со лба темно-русую прядку и вся обратилась во внимание. Чем хуже были новости, тем спокойнее агент Дэнс себя чувствовала. Вот и сейчас дурные вести не выбили ее из колеи: способность сохранять хладнокровие в любой ситуации была отчасти врожденной, а отчасти приобретенной за годы службы в КБР. Не говоря уже об опыте воспитания двух детей в одиночку!

«Насчет хладнокровия я, похоже, себе польстила, – заключила Кэтрин, глядя на дрожащую ногу, и вжала пятку в пол. – Что ж, хотя бы хлеб свой ем не зря! Проанализировала язык собственного тела! Кинесика – и этим все сказано!»

– Убит некий Роберт Прескотт.

«Прескотт! Судя по их с Кейли невербалике, они были не только коллегами, но и близкими друзьями», – подумала Кэтрин.

– Обстоятельства гибели?

– Пока не сообщаются.

Кэтрин вспомнилось лицо Эдвина: хитрый прищур, фальшивая улыбочка, сделаное хладнокровие... За этой маской как пить дать может скрываться самый настоящий псих!

– Кстати, подмогу пока не запрашивали, лишь кратко доложили об убийстве, – добавил Ти-Джей.

Агенты КБР частенько помогали местным органам правопорядка с раскрытием серьезных преступлений, но в большинстве случаев без особой надобности не в свое дело не лезли. Помогать всей Калифорнии, где уровень преступности и так зашкаливал, – для этого у КБР никаких сотрудников не хватило бы.

– Труп нашли в концертном зале.

«Кейли будет там выступать в пятницу», – вспомнила Кэтрин и поторопила Скэнлона:

– Ти-Джей, не тяни резину!

– Делом будет заниматься Объединенное управление шерифа округов Фресно – Мадера. Шериф – Анита Гонсалес, старший детектив – Пи-Кей Мэдиган. Про него я знаю только одно: он служил в полиции, когда мы с тобой еще пешком под стол ходили.

– Сейчас к ним поеду. Есть что-нибудь на Шарпа? Обвиняли его в других случаях преследования?

– У нас – ничего. Ни судебных исков, ни запретов. Вашингтон и Орегон пока молчат. А что касается номера телефона, с которого звонили Кейли: сим-карта куплена три дня назад за наличку в Берлингейме, это неподалеку от Сан-Франциско, к югу от аэропорта. Видеозаписей, как Шарп покупал сим-карту, нет. Документы свои он нигде не засветил. Продавцы в магазине ничего дельного не сказали. Добавить больше нечего.

– Ладно, продолжай в том же духе. Все, что нароешь, отправляй мне на электронку, лады?

– Босс, ваше желание для меня – закон! – отозвался Ти-Джей, и на том они распрощались.

«Который все-таки час?» – оглядев полумрак комнаты, вновь подумала Кэтрин и заметила, что из-под штор пробивается слабый утренний свет.

– Ого, уже половина девятого! – надевая очки, воскликнула она.

Кэтрин быстро приняла горячий душ и через двадцать минут уже стояла в коридоре возле зеркала, осматривая себя перед выходом. Черные джинсы, футболка и шелковый темно-синий пиджак – сдержанно и по-деловому.

«По жаре, конечно, в таком наряде долго не погуляешь, но служба обязывает».

Агент Дэнс давным-давно уже усвоила нехитрую истину: чтобы выглядеть в глазах мужчин серьезным специалистом, надо всегда быть на коне.

«Скверно, но верно! – Кэтрин на всякий случай прихватила ноутбук. – Кто знает, вдруг незванный гость объявится опять? Хотя наверняка он узнал все, что хотел, еще вчера! – скептически подумала она и повесила на ручку двери табличку „Не беспокоить“. – Ну и какой от нее толк?»

Не успела Дэнс переступить порог отеля, как лоб и виски ее покрылись испариной, а рукава футболки потемнели от пота – солнце в Калифорнии жарит беспощадно. Кэтрин выудила из дизайнерской сумочки «коуч» ключи от «ниссана» и по привычке похлопала себя по бедру, но «глока», конечно же, не обнаружила. И с досадой вздохнула: без пистолета она была как без рук.

Глава 9

«Такое ощущение, что одной жертвой тут не обошлось», – подумала Кэтрин, подруливая к концертному залу. У парадных дверей толпилось не меньше двадцати полицейских и медиков: кто беседовал по телефону, кто переговаривался по рации, кто таскал выдавшее виды спасательное оборудование, выкрашенное в яркие цвета – зеленый, красный, желтый.

«Цвета детских игрушек, – невольно мелькнуло в голове у Кэтрин. – Кажется, у Ти-Джея недостоверные данные, – решила она, подсчитывая автомобили. – Четыре пожарные, две „скорые“, восемь патрульных и еще несколько машин без опознавательных знаков. Да тут, должно быть, вся группа Кейли полегла!»

Кэтрин остановилась у «доджа» и вылезла наружу. Даже без проблесковых маячков этот «додж» не походил на гражданский автомобиль. За рулем сидела женщина. На затянутой в форменную рубашку большой груди красовался бейджик «К. Стэннинг, помощник шерифа». Волосы ее были туго стянуты на затылке и заплетены в косички, которые венчали голубые резинки.

«Совершенно неуместная прическа», – подумала Кэтрин, твердо придерживавшаяся убеждения, что при их профессии никому нельзя давать повода усомниться в своей серьезности.

– Чем могу помочь, мэм?

В ответ Дэнс показала удостоверение сотрудника КБР.

– Нам прислали подмогу из Сакраменто?.. – удивилась сбитая с толку Стэннинг.

Агент Дэнс едва не проговорила про отпуск, знакомство с погибшим и вчерашнюю встречу в ресторане, но вовремя прикусила язык – опыт работы в правоохранительных органах подсказывал ей, что держать ухо востро следует как с подозреваемыми, так и с коллегами.

– Не совсем. Я здесь случайно.

Пару мгновений Стэннинг как будто что-то обдумывала, а затем, вероятно вспомнив распоряжение начальства, сказала:

– Хорошо, проходите.

Дэнс двинулась к парадному входу безликой бетонной громадины концертного зала. Солнце нещадно обжигало лицо, и Кэтрин не терпелось поскорее добраться до крыльца здания. Но, оказавшись в прохладной тени нависавшего над дверьми козырька и двух поддерживающих его стен, она обнаружила, что воздух здесь ужасно спертый и дышать невозможно.

Кэтрин поспешила внутрь. Переступив порог зала, она обрадовалась было свежему кондиционированному воздуху, но не успела ступить и пару шагов, как ее обдало волной невероятной вони.

Дэнс уже не первый год стояла на страже закона и видела сотни мест преступлений, но, будучи агентом КБР, появлялась она там обычно чуть погодя, так что ужасы, которыми наполнены будни судмедэкспертов, были ей по большей части незнакомы. Крови к ее приезду, как правило, почти не оставалось, а трупы, включая и оторванные части тела, уже были занесены в каталог и сложены во влагонепроницаемые полиэтиленовые мешки.

Едкий запах сожженных плоти и волос оказался настолько сильным, что Дэнс едва не скрутило пополам.

Собрав волю в кулак, она, стараясь не обращать внимания на тошноту, прошла вглубь помещения. Кэтрин огляделась: огромная площадь зала вмещала не меньше тридцати тысяч человек; стены и потолок давно не знали ремонта, а включенное на полную мощность освещение делало эти изъяны только еще более заметными. Верхний свет обычно зажигался после ухода музыкантов – или актеров, если это была пьеса, – со сцены, чтобы дать зрителям понять, что представление закончилось, пора идти в фойе, затариваться компакт-дисками, памятными сувенирами да и расходиться по домам.

Вокруг сцены и на самих подмостках толпились люди в форме: полицейские, пожарные и медики – не меньше десяти человек.

Поднявшись на сцену, Дэнс присоединилась к толпе, вглядывавшейся в черноту оркестровой ямы, из которой поднималась тонкая струйка тошнотворного дыма. Кэтрин переборола еще один рвотный позыв и подошла ближе к яме.

«Что тут произошло?» – гадала она, припоминая рассказ про упавший вчера прожектор.

Дэнс без труда определила, кто тут был за главного, а точнее – за главных: позы и взгляды мужчины и женщины в форме цвета хаки говорили сами за себя.

«Латиноамериканка, невысокая, полная, около пятидесяти лет, длинные волосы и рябое лицо. Облегающие форменные рубашка и брюки, подчеркивающие излишний вес, ей явно не по нутру, – мгновенно составила Кэтрин портрет женщины и переключилась на ее собеседника. – Европейская внешность, но для белого – чересчур загорелый. Волосы черные и густые. Широкое круглое лицо испещрено морщинками, серые глазки-буравчики смотрят нахально и с прищуром. Коренастый, брюхо нависает над узкими бедрами и тонкими ножками. Держится набычившись – плечи вздернуты кверху. Судя по всему, человек бесцеремонный и даже конфликтный».

Огромный кольт, висевший у мужчины на бедре, догадку Дэнс только подтверждал. Всем полицейским в Калифорнии предписывалось носить полуавтоматический «глок», но старший детектив Мэдиган – а Кэтрин уже успела догадаться, что это он и есть, – ни с чьими указаниями считаться явно не собирался.

Двое в форме заметили Дэнс, и их разговор сошел на нет: оба повернулись и вопросительно воззрились на нее.

– Прошу прощения, а вы кто будете? – осведомился Мэдиган таким тоном, что стало предельно ясно: он даже и не думал извиняться за свою бесцеремонность.

Старший детектив недовольно глянул на парадную дверь, пытаясь, видимо, определить, какая же сволочь пропустила незваного гостя на место преступления.

Признав в женщине шерифа Гонсалес, Кэтрин, недолго думая, достала удостоверение КБР. Оба жадно всмотрелись в корочки.

– Я шериф Гонсалес, а это – старший детектив Мэдиган, – сказала латиноамериканка, и Кэтрин сделала для себя еще один вывод.

«Так, имен своих не называем, общаться по-дружески не желаем – демонстрируем собственную значимость, – заключила она. – Ну что ж! Ладно! Чем бы дитя ни тешилось!»

– Я приехала во Фресно по делам. Про убийство узнала от сотрудника КБР, – сообщила Кэтрин, нарочно не уточняя, был то приказ или же просто информация к сведению. – Да, с Кейли Таун я лично знакома – мы с нею друзья. Поэтому, узнав про гибель одного из участников ее команды, я все бросила и примчалась сюда.

– Ну что ж, мы благодарны вам, Кэтрин, – произнес Мэдиган, намеренно не называя ее агентом Дэнс.

«Ага, а мою значимость, стало быть, принижаем... Что ж, вполне ожидаемо!» – усмехнувшись, подумала Кэтрин, окончательно убедившись, что имеет дело с хамом.

Вызывающее поведение коллеги, казалось, задело Гонсалес, но она промолчала. А сам Мэдиган как будто и не заметил недовольства шерифа.

«А ведь это о многом говорит. Похоже, этот нахаленыш тут на вес золота, раз даже шериф ему слова поперек сказать не может!»

– На данном этапе расследования помощь КБР нам не требуется. Как ты считаешь, Анита? – продолжал Мэдиган свое наступление на Дэнс.

– Думаю, ты прав, – отозвалась Гонсалес и посмотрела Кэтрин прямо в глаза. Но, в отличие от Мэдигана, своим взглядом она не пыталась подавить волю собеседницы. Каким бы профессионалом ни была Гонсалес, в молодой стройной женщине она прежде всего видела соперницу. Стройная фигурка агента КБР – Кэтрин носила вещи на четыре размера меньше – заставляла шерифа чувствовать себя уязвимой, а этого она допустить не могла.

«В конце концов, в кого бы мы ни рядились, без одежды мы всего лишь уязвимые существа с кучей комплексов и множеством тараканов в голове», – «прочитав» Гонсалес, подумала Дэнс.

– Что за интерес у вас во Фресно? – спросил детектив Мэдиган. – Я каждое утро просматриваю списки дел, порученных другим ведомствам, но КБР среди прочих не видел. Или вас отправили на секретное задание?

– Я тут по личным делам, – отозвалась Кэтрин, не придав значения попыткам собеседника так дешево поймать ее на лжи, и сменила тему: – Так, значит, убит Бобби Прескотт? Главный техник сцены из команды Кейли?

– Верно.

– Есть еще пострадавшие?

Мэдиган, не желая отвечать, отвернулся и сделал вид, будто отдает распоряжения помощнику шерифа.

– Нет, только Бобби, – отозвалась Гонсалес.

– Как именно он погиб?

– Окончательной версии у нас нет, – вновь вклинился в разговор Мэдиган, всем своим видом давая понять, что Кэтрин – гостья весьма нежеланная. Агент Дэнс определенно была не по нутру старшему детективу, но выгнать ее он не мог – не тот уровень. Кэтрин припомнила, как однажды к ним на пикник забрела огромная собака: и сил терпеть нет, и не прогонишь – покусает! И невольно усмехнулась: «Так и со мной – КБР все-таки!»

– Обстоятельства смерти?

Гонсалес помолчала, а затем пояснила:

– Погибший что-то настраивал на сцене, потом поскользнулся, упал в оркестровую яму, а прожектор – следом. Стекло разбилось, и Бобби, считай, поджарился заживо. Смерть от потери крови и многочисленных ожогов.

«Вот же бедняга! – ужаснулась про себя Кэтрин. – Врагу не пожелаешь!» А вслух произнесла:

– Он ведь не мгновенно сгорел. Почему датчики дыма не сработали?

– Датчики дыма в оркестровой яме не функционируют. Почему? Сказать пока невозможно.

Перед глазами Кэтрин возникла сцена, которую она накануне наблюдала в ресторанчике: Эдвин Шарп, фальшиво улыбаясь, смотрит Бобби Прескотту в лицо, и в его глазах пляшут недобрые огоньки, готовые вот-вот испепелить беднягу.

– Возьмите на карандаш...

– Некого мистера Эдвина Шарпа? Преследователя? – перебил ее Мэдиган.

– Да, именно его.

– Тай Слокум, один из участников команды Кейли, уже рассказал мне про вчерашнюю стычку в «Ковбойском салуне».

– Эдвин и Бобби дважды чуть не повздорили за минувший вечер, но все обошлось, – подтвердила Дэнс и пересказала им всю историю. – Шарп вполне мог подслушать, что сразу после поездки в Бейкерсфилд за гитарным усилителем, то есть ближе к ночи, Прескотт собирается вернуться в концертный зал и отремонтировать упавший прожектор.

– Эдвин никуда от нас не денется. Он на месяц арендовал дом рядом с Вудворд-парком, в северной части города, – задумчиво отозвался Мэдиган.

«Странно все это! – между тем думала Кэтрин. – Всем раструбил, где живет. Интересно, что этот тип замышляет? И зачем бы ему снимать дом на целый месяц?»

Кэтрин заметила, что Мэдиган называет преследователя Кейли исключительно по имени: так среди полицейских было принято применительно по отношению к психически неуравновешенным подозреваемым.

«Каким бы психом он ни был, – напомнила себе Кэтрин, – недооценивать его точно не стоит!»

Старший детектив отвлекся на телефонный звонок, а затем повернулся к Кэтрин и подарил ей фальшивую приторную улыбочку в духе Эдвина Шарпа:

– Мы очень ценим вашу помощь и непременно свяжемся с КБР, как только нам что-нибудь понадобится.

Кэтрин окинула взглядом сцену: из темноты оркестровой ямы по-прежнему струился сизый дым.

– Всего доброго, – попрощалась Гонсалес, но, несмотря на настойчивые намеки шерифа и старшего детектива, Дэнс и не думала уходить.

– А как это так вышло, что прожектор на него упал?

– Может, перед падением Бобби зацепился за провод? – предположила Гонсалес.

– А что это за агрегат-то хотя бы?

– Да поди его разбери! Ни черта не видно! – пробормотал Мэдиган с вызовом. – Сами смотрите!

Дэнс не сдрейфила и подошла к краю оркестровой ямы. Обугленное тело в темноте едва угадывалось. Прожектор же состоял из четырех мощных ламп.

– Похоже, это тот самый, что чуть не зашиб Кейли.

– Да, Тай Слокум уже подробно рассказал нам, что случилось вчера утром. Мы прорабатываем этот вопрос, – отозвался Мэдиган. Судя по голосу, Дэнс явно утомила его. – А пока добавить больше нечего.

Мэдиган хотел было отвернуться, но Дэнс не унималась:

– Но все же... Почему прожектор вдруг взял и упал?

– Может, барашковые гайки ослабли? – предположил Мэдиган и кивнул на крепления.

– И как только Бобби умудрился туда свалиться? Желтую сигнальную ленту по периметру оркестровой ямы сложно не заметить!

– Да, согласен! Вопросов больше, чем ответов! – отбрехался через плечо Мэдиган.

– Нет, нет! Не-е-т! – раздался из зала женский крик. На последнем «нет» голос сорвался. Несмотря на жар и духоту, по спине Дэнс пробежал неприятный холодок.

Кэтрин обернулась: к сцене, под которой все еще дымилось обугленное тело Бобби Прескотта, мчалась Кейли Таун.

Глава 10

Одевалась Кейли с особым тщанием и всегда выглядела практически безупречно. Тем больше поразило Дэнс, в каком виде была сейчас ее подруга: без макияжа, волосы растрепаны, глаза припухли от слез (не от бессонницы – это Дэнс читала на лицах с ходу), рот судорожно хватает воздух, а вместо привычных контактных линз – очки в тонкой черной оправе.

Пи-Кей Мэдиган в мгновение ока преобразился: фальшивая улыбка исчезла, раздражения как не бывало – он весь преисполнился чувством глубокой жалости к молодой певице. Полицейский сбежал по лестнице навстречу и остановил ее со словами:

– Кейли, милочка! погоди! Тебе туда нельзя! Не надо тебе этого видеть!

– Бобби и правда умер?

– Боюсь, что да.

– А я до последнего не верила...

Шериф Гонсалес спустилась следом за старшим детективом и обняла Кейли.

«Интересно, они ко всем близким погибших проявляют такое участие? Или только к знаменитостям? – озадачилась Кэтрин и тут же прогнала эту циничную мысль. – Кейли нуждается в их утешении, и не важно – звезда она или нет. Сейчас она обыкновенная девушка, раздавленная горем...»

– Кейли, нам очень жаль, – приговаривала Гонсалес. – Мы соболезуем твоей утрате.

– Это все он! Этот подонок Эдвин! Я знаю! Арестуйте его! Он сейчас сидит в машине напротив моего дома!

– Где он сидит? – встрепнулся Мэдиган.

– Припарковался на своей гребаной красной машине на автостоянке у заповедника, прямо через дорогу от моего дома!

Детектив, нахмурившись, позвонил коллегам и отдал приказ проверить полученную от свидетельницы информацию.

– Арестуйте его!

– Кейли, успокойся. Нужно сперва все выяснить. Арестовать человека не так-то просто.

Кэтрин Дэнс оглянулась и увидела у входа Дартура Моргена: руки скрещены на груди, а глаза, выискивая возможные угрозы, всматриваются в зал.

– Это что еще за хмырь?.. – проследив за взглядом Кэтрин, проворчал Мэдиган.

– Мой телохранитель, – выдавила девушка, задыхаясь от душивших ее рыданий.

Полицейский лишь смущенно охнул в ответ.

Дэнс тем временем поднялась на сцену и еще раз заглянула в оркестровую яму. Едкий запах снова ударил в нос, а к горлу подступила тошнота, но Кэтрин, справившись с ней, внимательно оглядела место трагедии. Семифутовый прожектор покоился на обугленных останках Бобби Прескотта. Язык тела одинаков как у живых, так и у мертвых. Глянув на переломанное тело Бобби, лежавшее в типичной для жертвы пожара позе боксера, Дэнс без труда представила полную картину произошедшей здесь трагедии. Разглядывая переломанные кости погибшего, скрюченные пальцы кистей, Кэтрин обнаружила, что Бобби пытался отползти прочь от лестницы, ведущей на сцену. И удивилась: «Поступок для того, кто ищет помощи, крайне нелогичный!»

– Сначала в яму свалился Бобби. И только затем, спустя пару минут, на него упал прожектор, – тихонько, чтобы не услышала Кейли, шепнула она помощнику шерифа.

– Что вы сказали, мэм? – переспросил тот, наклоняясь ближе к Дэнс.

«Вот так детина! – подумала Кэтрин, приглядевшись к полицейскому. – Разменял четвертый десяток, пышные черные усы, загорелый, а может, и от природы смуглый, а зовут его... – Она пробежала глазами по бейджику на груди мужчины. – Ага. „Д. Арутян“».

Кэтрин кивнула вниз, где уже вовсю работали криминалисты в комбинезонах: они пытались высвободить тело Бобби из-под прожектора.

– Посмотрите на его ноги. Видите, как согнуты? А руки? Говорю вам, прожектор упал позже. Бобби пытался отползти в сторону, но не успел.

Помощник шерифа обдумал слова Дэнс, тоже заглянул в яму и сказал:

– Прескотт, падая, зацепился за силовую кабель. А затем он попытался отползти, прекрасно понимая, что раскачивающаяся громадина в любой миг сорвется и раздавит его...

Но тут они оба обратили внимание на то, что прожектор подключен к розетке на сцене, а не в оркестровой яме.

– Нет, Бобби не мог опрокинуть прожектор на себя, – произнесла Кэтрин и вдруг задалась вопросом: – А кстати, зачем вообще было включать его в сеть здесь, на сцене, тогда как остальные подсоединены под потолком? Мне кажется, об этом нужно поставить в известность ваше начальство.

– Так я и поступлю, – отозвался помощник шерифа.

Арутян спустился вниз, выразил Кейли соболезнования и отвел Мэдигана в сторонку на пару слов. Старший детектив выслушал коллегу, покивал, а затем нахмурился и скомандовал:

– Так! Оцепить сцену и очистить помещение! Крепления прожектора не трогать! А ну-ка, все пошли прочь! Сообщите парням Чарли, что теперь это место преступления, и не мешайте им работать! Черт возьми, да мы же все тут облапали!

«Похоже, Арутян присвоил все лавры спеца по кинесике себе, – подумала Кэтрин. – Ну и ладно! Главное, чтобы они улики собрали побольше!»

Пока Гонсалес отвечала на непринятые телефонные вызовы, Дэнс подошла к подруге. Кейли стояла сама не своя: взгляд блуждает, говорит быстро, сбивчиво, отчаянно жестикулирует. Кэтрин припомнила, как она сама чуть не помешалась с горя, когда умер ее муж, агент ФБР. По иронии судьбы он погиб не на задании, а по вине неосторожного водителя, попав на шоссе в ДТП.

Дэнс крепко обняла Кейли и спросила, не надо ли ее куда отвезти или, может, кому позвонить.

– Спасибо, я справлюсь... Но все же у меня в голове не укладывается! Я до сих пор не верю в смерть Бобби! – воскликнула певица, и взгляд ее остановился на оркестровой яме. Дэнс уже вся подобралась, чтобы успеть перехватить подругу, если той вдруг захочется увидеть тело Бобби, но Кейли вместо этого повернулась к Мэдигану и Гонсалес и сказала: – Кто-то вчера следил за мной из зала. Я, конечно, на сто процентов не уверена, но...

– Откуда именно?

– Стоял вон там, в том проходе, – пояснила Кейли, указывая рукой. – Алиша, моя помощница, тоже вроде бы что-то видела, но боюсь, и она вам ничего дельного не подскажет.

– Расскажи про вчерашний звонок, – напомнила Дэнс.

Мэдиган наострил уши.

«Ну хоть какую-то информацию от меня воспринял», – со вздохом подумала Кэтрин.

– Полагаешь, эти два события связаны? – дрожащим голосом поинтересовалась Кейли.

– Да в чем дело? – нетерпеливо спросила Гонсалес.

Кейли подробно им все изложила: и про вчерашний звонок, и про явно записанную на концерте песню «Твоя тень», прозвучавшую в трубке.

– Хотите верьте, хотите нет, но запись была такого качества, что если закрыть глаза, то от выступления вживую не отличишь! Я, конечно, могу ошибаться, но думаю, здесь не обошлось без рекордера, какие используют профессионалы в звукозаписывающих студиях. А простому человеку на такие прикормы ни за что не скопить!

– Ну, фанатичных поклонников простыми людьми и не назовешь. Им закон не писан! – возразила Дэнс и поведала полицейским, что сумел раскопать Ти-Джей. Детектив Мэдиган по-прежнему был не в восторге от расторопности чужачки, но все детали он тем не менее скрупулезно записал.

К ним подошла помощница шерифа – та, что сидела в «додже» снаружи: К. Стэннинг.

– Кристал, – сухо представил девушку старший детектив.

– Шеф, журналистов все больше и больше. Они задают вопросы... Спрашивают, когда будет пресс-конференция...

– Вы сможете с ними справиться? – спросила Кэтрин у Мэдигана.

Однако он не удостоил Дэнс даже взглядом, и Стэннинг, оправдываясь, ответила за него:

– Территория очень большая. Зевак – толпы. Всегда найдется какой-нибудь проныра! Но я буду стараться изо всех сил!

– Ты уж не подкачай. Остуди пыл этих газетчиков, – проворчал Мэдиган и оценивающе глянул на Дартура Моргена, маячившего у парадного входа. – Кейли, скажи мне, пожалуйста, что именно ты слышала?

– Первый куплет песни «Твоя тень».

– Незнакомый ничего не говорил? Или – чем черт не шутит! – неизвестная?

– Нет, прозвучала только песня.

У Гонсалес зазвонил телефон. Она быстро перебралась с кем-то парой слов и объяснила:

– Конгрессмен Дэвис прибыл. Поеду встречать... Надо переговорить с ним и с его начальником службы безопасности.

А затем повернулась к певице.

– Кейли, мне действительно очень жаль. Соболезную, – искренне произнесла шериф, положила девушке на плечи свои мощные руки и участливо заглянула в глаза. – Если тебе что-то понадобится, не стесняйся!

От Кэтрин не укрылся красноречивый взгляд Гонсалес, брошенный в сторону Мэдигана: «Делай что хочешь, но чтобы это громкое дело было раскрыто! И не спускай с Кейли глаз! Ни единый волос не должен упасть с ее головы. Ясно тебе?»

Напоследок Гонсалес пристально посмотрела на Дэнс, а затем попрощалась и ушла.

– Кстати, детектив, я специалист по допросам. Если вдруг появится подозреваемый или свидетель – дайте знать, – сказала Дэнс и вручила Мэдигану свою визитку. – Тут указан мой телефон, звоните сразу же.

– Ну, положим, допросить я смогу и сам, – возразил Мэдиган и спрятал визитку с таким видом, точно это была использованная салфетка. – Но так и быть, Кэтрин, буду иметь вас в виду.

– Погодите-ка! – нахмурившись, воскликнул Арутян. – Я только сейчас вспомнил! Салинас! Семинар по кинесике! Это же вы вещали тогда с кафедры?

– Да, все верно, это была я.

– Мы с Альберто ездили туда в прошлом году. Очень познавательно! Ну и шутки она там отмачивала! – воскликнул Арутян, поворачиваясь к Мэдигану.

– Семинар, – задумчиво повторил тот. – Шутница, значит? Будем знать... Что-то я хотел... А! Кейли, так ты говорила, будто вчера кого-то здесь видела?

– Я видела лишь тень, – ответила девушка.

– У любой тени есть хозяин, – улыбнулся Мэдиган и обратился к Дэнс: – А почему бы вам не допросить команду Кейли и всех работяг, кто был здесь вчера? Интересно послушать, что они скажут.

– Допросить их, конечно, можно, но зачем? Они и так сами охотно все расскажут следствию. Не путайте, детектив. Проведением социальных опросов я не занимаюсь, а работаю только с теми подозреваемыми и свидетелями, кто либо утаивает что-то важное, либо попросту не может вспомнить.

– Однако согласитесь, Кэтрин, пока мы ищем кого-нибудь, на ком вы сможете опробовать свои семинарские приемчики, провести соцопрос тоже будет не лишним, да? Только не подумайте, будто я вас к чему-то принуждаю!

«Семинарские приемчики? – возмутилась про себя уязвленная Дэнс. – Нет, ну ты только подумай, а?»

Эту словесную дуэль Кэтрин проиграла. Она вновь почувствовала себя той бродячей собакой, оказавшейся на пикнике незваной гостьей. Правда, в отличие от животного, получившего сочные объедки, она – агент КБР! – вынуждена была довольствоваться жалкими подачками: выполнять работу рядового полицейского. Без сомнения, Мэдиган сделал все это нарочно: лишь бы только Кэтрин не путалась под ногами.

– Что ж, это и впрямь лишним не будет, – скрепя сердце, согласилась она и достала телефон, чтобы занести в адресную книгу все необходимые контакты: членов команды Кейли и работников концертного зала.

Тут к старшему детективу подошел только что приехавший судмедэксперт, и они начали о чем-то тихонько беседовать.

– Кейли, я, пожалуй, пойду, – сказала Дэнс и заглянула подруге в глаза. Смотреть на нее было больно, – так бедняжка горевала.

Кэтрин уже направилась было к выходу, но вдруг, ошеломленная догадкой, застыла как вкопанная.

«Господи!» – Дэнс повернулась к певице.

– Кейли! Вчера вечером звонивший включил только первый куплет?

– Ну да, первый куплет... И припев.

– Там ведь речь идет о сцене, да?

– О том, как непросто быть знаменитой, если точнее. Но и про сцену, ты права, там тоже поется.

– Если звонил такой же ненормальный преследователь, как Эдвин, то одним убийством дело не ограничится.

– О боже! – прошептала Кейли. – Неужели он навредит кому-нибудь еще?

Кэтрин Дэнс, прежде чем стать агентом КБР, много лет проработала репортером, специалистом по отбору присяжных, полицейским и могла с уверенностью сказать, что злоумышленником запросто мог оказаться человек, на первый взгляд не имеющий совершенно никакого отношения к убийству.

«А на фоне таких ярких личностей, как Шарп, – подумала она, – выявить настоящего преступника будет ой как непросто!»

– Если убийца – Эдвин, то, как и каждый уважающий себя преследователь, он будет навязчивым, – пояснила Кэтрин. – Такие фанатики не знают меры. Нам надо готовиться. Он обязательно позвонит и попытается навредить кому-нибудь еще. Кейли, на твой телефон поставим прослушку: посмотрим, какой фрагмент он включит на этот раз, и будем действовать на опережение.

– Но зачем преступнику раскрывать свои карты? – спросил Мэдиган.

– Не знаю. Некоторые преследователи впадают в состояние психоза, и тогда их мотивы уже не разберешь.

– Да ну! По-моему, так высосано из пальца! – заключил старший детектив, явно раздраженный тем, что Кэтрин расстраивает их местную знаменитость.

– А мне кажется, эту идею нельзя сбрасывать со счетов.

– Надеюсь, вы знаете, о чем говорите, – буркнул Мэдиган и ответил на звонок. Через минуту он обратился к Кейли. – Звонили патрульные. Они только что проезжали мимо твоего дома и не обнаружили там ни красной машины, ни Эдвина.

– А где же он? Куда он поехал? – не на шутку встревожилась Кейли.

– Патрульные без понятия.

Мэдиган глянул на часы и распорядился:

– Арутян! Выйди к репортерам и сделай заявление для прессы. И не вздумай сболтнуть лишнего! Скажешь, что мы расследуем смерть в результате несчастного случая. Брось им кость – назови имя жертвы. Короче, процедуру ты знаешь. И проследи, чтобы носа сюда не совали!

«Похоже, старший детектив не очень-то доверяет Кристал Стэннинг», – отметила про себя Кэтрин.

– А вы, если не передумали, допрашивайте свидетелей. Буду вам очень признателен. – Мэдиган все-таки соизволил проявить вежливость по отношению к агенту КБР Дэнс, хотя в его каменном голосе и сквозило раздражение.

Кэтрин еще раз обняла Кейли, а затем вместе с Арутяном направилась к выходу.

– Детектив Арутян, спасибо, что довели до сведения начальства версию с прожектором.

– Не стоит благодарности, мы ведь одно дело делаем. Да, и зовите меня просто Деннис.

– А я Кэтрин.

– Ага, я в курсе, – невозмутимо отозвался Арутян.

Перед выходом оба кивнули Дартуру Моргену. Угрюмый телохранитель лишь на одну сотую долю секунды позволил себе оторвать взгляд от Кейли.

Через несколько мгновений они оказались за дверьми концертного зала. Дэнс рада была наконец-то вернуться на улицу: лучше уж задыхаться от духоты, чем от запаха горелой плоти. Однако Арутян ее приподнятого настроения не разделял. Квадратное лицо помощника осунулось – на нем читалась тревога, а сам он весь как-то сжался и ссутулился. Взгляд детектива нерешительно скользил по лицам репортеров и микроавтобусам телевизионщиков.

«Наверное, он предпочел бы гнаться за преступником по темной аллее, нежели отчитываться перед этой оравой, – подумала Кэтрин. – Боязнь сцены, что тут скажешь!»

Дэнс чуть задержалась, отправляя письмо с телефона. Затем она окликнула Арутяна: – Деннис?

Здоровяк настороженно замер, но от Кэтрин не укрылось, что он обрадовался этой отсрочке, – кто же в здравом уме захочет добровольно общаться с журналистами?

– Я тут скачала слова песни «Твоя тень». Той самой, которую включили Кейли по телефону прошлым вечером, когда погиб Бобби.

Арутян растерянно посмотрел на женщину.

– В общем, я отправила текст на электронную почту управления шерифа. Посмотрите, как доберетесь до рабочего места, – пояснила Кэтрин.

– Мне посмотреть?

– Да. Будет здорово, если вы и второй куплет тоже глянете – лучше бы сразу все четыре, но для начала сойдут и только первые два. Надо попробовать мыслить, как преступник. Способ, не отрицаю, сложный и ненадежный. Если вдруг что-то придет на ум, сразу мне звоните. В первом куплете, например, поется про сцену. Так мы хотя бы сузим круг поисков, если преступник вздумает еще раз связаться с Кейли.

– Ладно, только сперва получу у старшего детектива разрешение, – поколебавшись, ответил Мэдиган.

– Конечно. Обязательно спросите его, – задумчиво кивнула Кэтрин.

– Мэдиган собрал под своим началом всех лучших сыщиков Калифорнийской долины. Убийный отдел Бейкерсфилда отдыхает, – объявил Арутян, оглядывая толпу журналистов. – В штате Калифорния отдел Мэдигана входит в десять процентов самых лучших подразделений по количеству раскрытых дел и посаженных за решетку преступников. Наш босс – настоящий профессионал.

– Что ж, я несколько в этом и не сомневалась, – отозвалась Кэтрин.

– Если вы поможете со свидетелями – точно вам говорю, Мэдиган вас просто на руках будет носить! – произнес Арутян. Взгляд помощника по-прежнему блуждал где-то среди толпы репортеров, жадно ловивших каждое слово.

– Вы все-таки посмотрите текст песни, детектив. Пожалуйста, – настойчиво попросила Дэнс.

Арутян ничего не ответил. Он судорожно сглотнул слюну и неохотно шагнул навстречу наострившей уши волчьей стае голодных журналистов.

Глава 11

Дом на колесах, в котором жил Бобби Прескотт, впечатлял своими размерами: по прикидкам Кэтрин, примерно пятьдесят футов на двадцать пять – в общем, есть где разгуляться! Снаружи трейлер фирмы «Буканьер», модель «Коул» удвоенной ширины, был отделан рыжими с белыми вставками панелями.

Хотя дом на колесах и подразумевает возможность переезжать с места на место, жилище Бобби, покоившееся на рассыпавшихся шлакоблоках, на такие подвиги способно уже не было. Вся конструкция, казалось, давно выросла в растрескавшуюся, лишенную растительности почву

– только гортензии да самшитовые кустарники еще кое-как пытались выжить под палящим калифорнийским солнцем.

Возле трейлера стояло несколько помощников шерифа. Зевак собралось не так уж и много: дети – кто на велосипеде, кто на скейтборде – да старики. Родители ребятишек носа не казали: может, им было все равно, а может, не хотели привлекать лишнего внимания – райончик тот еще! По сведениям Ти-Джея, женат Бобби не был. Жил один. В доме и в самом деле не оказалось ни души.

Стрелки часов показывали начало второго. Сентябрьское солнце стояло хоть и невысоко, но жарило так, будто на дворе июль.

Дэнс миновала две припаркованные полицейские машины, поставила «ниссан» под навесом и выбралась наружу. Мэдиган и Арутян расспрашивали детей, но как только увидели Кэтрин, тут же переключились на нее.

Усатый полицейский едва заметно кивнул.

– А, Кэтрин! – воскликнул старший детектив и не смог выдавить из себя даже подобие улыбки. Очевидно, внутри у Мэдигана вовсю klokотал гнев. Он злился на нее. Бедняга втайне надеялся, что агент Дэнс, наигравшись в провинциального копа, уберется восвояси, но не тут-то было! А еще он злился от собственного бессилия: и хотел бы прогнать Кэтрин из города, да власти такой не имеет. Все эти политические заигрывания с агентом КБР были ему совсем не по нутру.

Деннис Арутян так серьезно взглянул на Дэнс, что она на долю секунды уверовала, будто детектив все-таки ознакомился со словами песни «Твоя тень».

«Нет, вряд ли! – решила она в следующее мгновение. – Небось и палец о палец не ударил!»

Арутян между тем пригладил усы и переключился на местных. Помощник шерифа опрашивал их, сохраняя на лице выражение полнейшей невозмутимости, которое Кэтрин приметилла еще на месте гибели Бобби. Но, при всем своем хладнокровии, бдительности Арутян тем не менее не терял. Он постоянно озирался, будто в любое мгновение ожидал появления вооруженного Эдвина.

«А ведь Шарп действительно может ошиваться где-нибудь неподалеку, – подумала Кэтрин. – Преступники вроде него находят успокоение в преследовании объекта, чего, конечно же, нельзя сказать о чувствах самой жертвы!»

– Я так понимаю, свидетелей вы еще не допрашивали? – осведомился Пи-Кей Мэдиган.

– Я переговорила с Алишей – личной помощницей Кейли, а также с Таем Слокумом, Дартуром Моргеном, техниками и рабочими, но ничего интересного не узнала...

– Кто такой Дартур Морген?

– Телохранитель.

– А, тот здоровяк, маячивший у входа в зал?

– Ага. В день убийства Бобби в зале дежурил охранник. Еще, когда команда Кейли занималась приготовлениями, на местах были местные плотник и гафер – бригадир светотехников. Их присутствие обязательно: таковы требования профсоюза. Они тоже дали показания. Оказывается, если концертов нет, то двери не запирают, – так сказал охранник. Местные работяги ленились постоянно бегать взад-вперед, чтобы открывать и закрывать их. Но посторонних они вроде как не заметили – тем более возле осветительных приборов.

– Все это вы разузнали за три часа?

Дэнс кивнула, хотя на все про все у нее ушло часа полтора, не больше. Остальное время она потратила, чтобы пройтись по маршруту Бобби. В тот день он с утра прогулялся по национальному парку (здесь Кэтрин никаких следов не нашла), завис с друзьями в магазине, где продавали гитары, и побывал на местной радиостанции, а затем засел в своем любимом ресторанчике в районе Тауэр-дистрикт, где выпил несметное количество чашек кофе (тут, увы, тоже

никаких зацепок). Ничего крепче кофе Прескотт не употреблял: по непроверенным сведениям прежде Бобби страдал от алкоголизма, но в последнее время со спиртным завязал. В итоге, не обнаружив ничего интересного, Кэтрин разузнала, где жил погибший, и, придя сюда, повстречала Мэдигана и Арутяна.

Про свое маленькое путешествие по следам Бобби она решила не распространяться.

– Криминалисты нашли что-нибудь на месте преступления? – спросила Дэнс.

Мэдиган призадумался, а затем ответил:

– Много всего. Отдали на экспертизу. Ждем результатов.

Прибыла еще одна полицейская машина, принадлежащая Объединенному управлению шерифа округов Фресно – Мадера, и остановилась позади «ниссана» Дэнс. Из-за руля выбралась Кристал Стэннинг. Тревожно озираясь, она подошла к остальным.

«За этими преследователями нужен глаз да глаз, – припомнила Кэтрин свои собственные слова, адресованные недавно Кейли. – Никогда не знаешь, где повстречаешь! Вчера вроде как был в другом городе, за сотни миль отсюда, а сегодня – здарсьте пожалуйста, околачивается прямо у тебя под окном!»

Стэннинг, судя по всему, выполняла какое-то поручение Мэдигана, но при Дэнс рта раскрывать не решалась.

– Ну, говори! Что там с телефоном? – нетерпеливо гаркнул весь взмокший от жары старший детектив.

– Куплен в Берлингеме за наличку. Видеокамер в магазинчике нет. Вероятно, именно поэтому Эдвин и приобрел мобильник там.

«А я что говорила?» – возмутилась уязвленная Кэтрин, но уже в следующее мгновение опешила.

– Как вы и предполагали, шеф, он купил сразу аж три телефона, – продолжала Кристал.

«А вот этот вопрос я задать Ти-Джею не догадалась!»

– Н-да, похоже, планы у парня долгоиграющие! – воскликнул Мэдиган и тем самым признал, что гипотеза агента КБР была не такой уж и высосанной из пальца.

«Четыре куплета песни „Твоя тень“ – четыре жертвы? – спросила себя Дэнс. – А что, если он одной песней не ограничится? У Кейли же их целая куча!»

– Я раздобыла серийные номера аппаратов и телефонные номера, привязанные к сим-картам, – добавила Стэннинг.

«Это правильно, – мысленно похвалила ее Кэтрин. – Без этого мы далеко не уедем. Разыскивать преступника, не располагая такой информацией, – это все равно что искать иголку в стоге сена!»

– Надо заблокировать их все к чертям собачьим! – сказал Мэдиган. – Тогда Эдвин побежит в ближайший магазин покупать новую трубку, а мы тут как тут – запросто выследим его и сцапаем!

«Ага, да только вот мы не знаем, Эдвин стоит за всем этим или нет», – продолжала свой внутренний диалог Кэтрин.

– Будет сделано, – отозвалась Стэннинг, и в левом ухе ее сверкнули на солнце три сережки-гвоздика. Кэтрин присмотрелась: в правой мочке блестит серебряная спиралька; проколота также и ноздря, но там сережка появляется, похоже, исключительно по выходным.

– Я бы не стала блокировать сим-карты, – вмешалась в разговор Дэнс. – Так мы никогда не узнаем, что на уме у преступника. Лучше, когда он в следующий раз позвонит, мы отследим звонок и схватим злоумышленника.

Мэдиган помолчал, затем глянул на Кристал и кивнул:

– Делай, как она сказала.

– Но что именно?..

– Позвони Редману в информационный отдел, объясни ситуацию. Он поможет.

Внезапно Дэнс заметила движение с другой стороны дороги, среди более невзрачных трейлеров. На бетонное крылечко дома на колесах, стоявшего среди жухлой травы, вышла полная веснушчатая женщина с обгоревшими на солнце плечами, в белом в обтяжку сарафане без бретелек, с фиолетовыми и красными пятнами на лифе. Она закурила и настороженно оглядела всю их компанию.

Мэдиган велел Кристал помочь Деннису опрашивать соседей, а сам, пропустив два проезжавших мимо грузовика, направился к толстухе. Дэнс пошла следом.

Полицейский недовольно зыркнул на Кэтрин через плечо, но она и не думала останавливаться.

Женщина с сигаретой неуверенно шагнула им навстречу. Встретились они на полпути к ее почтовому ящику.

– Бедняга Бобби! Поверить не могу, что он умер! – воскликнула соседка прокуренным голосом и тут же начала оправдываться, как делают в таких ситуациях и виновные, и невиновные: – Это я, если что, в новостях слышала!

Протараторив это, женщина примолкла и затаилась.

– Да, мэм, не повезло Бобби. Я старший детектив Мэдиган, а это агент Дэнсер.

Поправлять его Кэтрин не стала.

– Как вас зовут, мэм?

– Тэбби Найсмит. Полное имя – Табата. Знаете, Бобби был образцовым соседом! Никакого алкоголя и уж тем более никаких наркотиков. Жил одной лишь музыкой, можете себе представить? Только однажды устроил шумную вечеринку, а так – тише воды ниже травы. Ну просто в голове не укладывается! Погиб, бедняга! А что с ним случилось? В новостях ведь так и не сказали!

– Видите ли, мэм, мы и сами пока точно не знаем причину его гибели.

– Это все уличные банды, да?

– Мэм, мы как раз пытаемся выяснить обстоятельства смерти Прескотта.

– Милейший человек был наш сосед. Он моему старшенькому, Тони его звать, показывал свои гитары. Одна, утверждал Бобби, якобы принадлежала самому Мику Джаггеру. А что, вполне возможно, ведь отец Бобби в свое время работал и с «Роллинг стоунз», и с Битлами. Хотя, кто знает, правда это или нет? Он так говорил, а мы ему верили на слово. Да разве ж в этом дело... Наш Тони был на седьмом небе от счастья – вот что главное!

– А вы не видели здесь в последнее время чужаков?

– Нет, сэр.

– Может, Бобби с кем подрался или поругался? Наркодилеры сюда не заглядывали?

– Нет-нет, ничего такого! И прошлой ночью, и этим утром – тишь да гладь.

– Уверены, мэм?

– Да, сэр! – сказала женщина, затушила сигарету и достала еще одну.

«Ну, по крайней мере, у нее хватило ума не курить дома при детях», – увидев гору бычков у крыльца, подумала Кэтрин.

– Что там творится у Бобби в трейлере, отсюда разглядеть сложно, – продолжала соседка, показывая на кусты у своего жилища. – Я все прошу Тони-старшего, мужа своего, их подрезать, но у него каждый раз находится тысяча и одна причина отложить на потом. Ох уж эти мужчины!.. – прибавила Тэбби и улыбнулась Дэнс.

– А ваш супруг не видел что-нибудь подозрительное?

– Так его уже три дня как нет... Даже четыре! Он ведь дальнбойщик.

– Понятно, мэм. Спасибо, что уделили нам время.

– Рада помочь полиции. А когда Бобби хоронят? Можно будет с ним проститься?

– Пока сложно сказать. Хорошего дня, мэм, – отозвался Мэдиган и направился к дому Бобби.

У Дэнс же остались еще вопросы, и она последовала за женщиной, спешившей к своему выводу.

– Простите...

– Да?

– Можно задать вам еще парочку вопросов?

– Я бы с радостью ответила на все ваши вопросы, но у меня там дети одни.

– Сколько?

– Что – сколько?.. А! Четверо!

– У меня самой двое.

– Знаете, я смотрела тут намеренно по телевизору одну передачу, про закон убывающей доходности, – сказала Табата и улыбнулась. – Не очень-то врубилась в этот закон, если честно, но думаю, что он напрямую касается нас – в смысле, матерей. Родишь двоих ребятшек, а дальше уже без разницы – все равно, сколько их будет!

Женщина наверняка имела в виду не вышеупомянутый закон, а нечто другое, но Дэнс сообразила, о чем она толкует, понимающе улыбнулась и согласно покивала в ответ:

– Двое для меня в самый раз!

– Вы еще и работать успеваете! – воскликнула Табата, и эта фраза многое для Кэтрин прояснила. – Не знаю, что тут еще можно добавить насчет Бобби. Вроде как я все рассказала тому детективу.

Табата оглядела собеседницу с ног до головы: стройная, аккуратные дорогие джинсы, очки с бордовыми линзами...

«Наверное, я для нее человек из другого измерения, – поймав взгляд толстухи, подумала Дэнс Кэтрин. – Ну что ж, в конце концов, я, как она сама подметила, еще и работать успеваю!»

– Послушайте, у меня там Шерил и Аннетт приглядывают за малышкой, – сказала женщина и удивительно проворно для своих внушительных габаритов зашагала к трейлеру.

У крыльца она сильно затянулась, затем бросила окурочку и тщательно затушила его ногой. В Калифорнии, штате сухостойных кустарников, иначе нельзя: глазом моргнуть не успеешь, как займется лесной пожар. Положение было настолько серьезным, что даже курильщики из бедных районов проявляли должную бдительность.

– Пожалуйста, позвольте задать вам еще парочку вопросов.

– Но если малышка вдруг заплачет...

– ...то я помогу поменять ей подгузник – не переживайте. Как, кстати, зовут вашу младшую девочку?

– Кейтлин.

– Какое прекрасное имя! А я свою дочку назвала Мегги.

Они поднялись на крыльцо. Через проржавевшую и пыльную сетку двери Дэнс разглядела убранство дома на колесах: все завалено игрушками. Пластмассовые трехколесные велосипеды, замки, кукольные домики, пиратские сундуки – чего там только не было! Хотя внутри царил полумрак, чувствовалось, что там так же душно, как и на улице. Единственным источником света был телевизор. Крутили какую-то мыльную оперу.

Табата вопросительно подняла бровь.

– Хотелось бы кое-что уточнить про Бобби.

Дэнс не отступалась от женщины по одной простой причине: отвечая на вопрос Мэди-гана, соседка сболтнула лишнее. Если в ходе допроса человек дает опережающий ответ на еще не заданный вопрос, то зачастую ему есть что скрывать. Табата, заявив, что ни вчера вечером, ни сегодня утром ничего не видела, сама загнала себя в угол.

«Видимо, что-то да произошло этим утром», – сразу же насторожилась Кэтрин.

– Мне и правда пора к детям...

Дэнс сняла очки и заглянула женщине в глаза:

– Табата, что вы видели нынче утром в доме Бобби?

– Ничего, – поспешно открестилась соседка.

Чтобы оценить поведение свидетеля или подозреваемого, требуются дни, а еще лучше – недели. Значимого результата можно добиться, лишь только беседуя на общие темы, когда человеку нет никакого смысла говорить неправду. В ходе допросов дознаватель отмечает для себя особенности поведения субъекта, когда тому нечего скрывать. А на следующем этапе он уже задает вопросы, касающиеся непосредственно преступления, и сравнивает две линии поведения. Допрашиваемый, услышав подобный вопрос, обычно испытывает стресс и так или иначе выдает себя.

Кэтрин Дэнс, будучи опытным дознавателем, умела подмечать некоторые особенности поведения прямо на ходу – без изнурительных допросов. Так Табату, например, выдал голос. Когда женщина солгала, ее голос прозвучал на тон выше, чем обычно: верный признак того, что свидетельница разволновалась.

Дэнс оглянулась на детектива Мэдигана и помощников, переминавшихся с ноги на ногу у трейлера Бобби. Похоже, они нервничали.

– Табата, давайте уже, сбросьте эту ношу с плеч, – спокойно сказала Дэнс. – Если вы поделитесь – всем станет только легче.

«Всем, кроме Бобби...» – мрачно добавила она про себя.

Когда Дэнс уличала допрашиваемых во лжи, то зачастую при этом проливалось немало слез. И плакали не только женщины, но и мужчины. Причем плакс среди представителей сильного пола встречалось предостаточно. Попавшись на лжи, люди рыдали, считая свое поведение недостойным. Порой уходило не меньше часа, чтобы убедить страдальцев, что ничего постыдного тут нет. Особенно когда ложь вызвана страхом за близких.

Табата, к облегчению Дэнс, не заплакала, а лишь только нахмурилась, как будто обдумывала возможные последствия столь рискованного шага.

Дэнс чутко уловила мысль собеседницы: «Что будет с детьми, если я скажу правду?» – и решила ковать железо, пока горячо.

– Не бойтесь. Если что, мы непременно за вами присмотрим. Нам очень важно знать все подробности сегодняшнего утра, – сказала Дэнс и, понизив голос, прибавила: – Понимаю, я и сама мать двоих детей, но на вашем месте я бы обязательно рассказала правду. Даю вам слово, все будет в порядке.

Прошло, наверное, секунд десять, прежде чем Табата заговорила:

– Кто-то был в доме Бобби этим утром.

– Можете описать его?

– Лица я не видела. Не особо и разглядишь-то отсюда. Угол зрения неудачный, понимаете? В окне виднелся лишь силуэт: грудь, плечи – да и только. Даже одежду – и ту не различила! Это все, что я видела. Клянусь.

Зачастую «клянусь» – маячок, позволяющий уличить допрашиваемого во лжи, но в данном контексте Табате, пожалуй, можно было верить.

– А в котором именно окне? В том, что на фасаде? – спросила Дэнс, показывая на прямоугольное окно, размером приблизительно два на три фута. – Вы увидели кого-то в доме Бобби, когда вышли покурить?

– Ага, верно. Все хочу завязать с куревом, но боюсь набрать вес. Но я обязательно брошу. Просто не хотелось бы растолстеть пуще прежнего, а то Тони-старший и так надо мной вечно подтрунивает. Можете себе представить, каков наглец? Как говорится, уж чья бы корова мычала, мистер Пивное Брюхо!

– Во сколько вы заметили незнакомца?

– Ну, часов этак в одиннадцать. Может, в полдвенадцатого.

– Он потом ушел пешком или уехал на машине?

– Чем все кончилось, я уже не видала.

Дэнс вновь обернулась на Мэдигана, и ее спокойствия как не бывало. Старший детектив, бросив гневно сверлить ее глазами, направился к трейлеру Бобби.

– Большое спасибо вам, Табата. Ступайте к детям.

– А что, если меня заставят давать показания?

– Мы защитим вас! – бросила Кэтрин и со всех ног побежала к трейлеру Бобби. – Эй, детектив! Пойдите!

Глава 12

Мэдиган уже хотел было взяться за дверную ручку, но тут услышал за спиной окрик агента Дэнс.

Он зыркнул через плечо на Кэтрин, и лицо его омрачилось.

Несмотря на все раздражение, Мэдиган мгновенно сообразил, что к чему, и отдернул руку. Вторая рука, невольно потянувшаяся за револьвером, замерла на рукояти.

Мэдиган отступил на шаг. Арутян последовал его примеру.

Дэнс перебежала через дорогу и наконец оказалась рядом с полицейскими.

– В доме кто-то есть? – резко спросил старший детектив.

– Вряд ли, – отозвалась она, переводя дыхание. – Но все может быть. Табата видела кого-то нынче утром между одиннадцатью и двенадцатью часами.

– Да ладно! Прямо здесь?

– Чем черт не шутит, вдруг убийца? А лишиться улики было бы обидно, правда?

– Думаете, этой Табате можно доверять? Насколько точно она назвала время? – глянув на дом соседки, недоверчиво спросил Мэдиган.

– Думаю, можно. Муж в отъезде, Табате тоскливо, телевизор у нее не выключается, а незнакомец появился как раз во время утренней телепередачи.

– И кого она видела? Опознать сможет?

– Нет, вряд ли. Лица не видела. Машины тоже. Но она точно не лжет.

Мэдиган тяжело вздохнул и пробормотал:

– Деннис, вызывай криминалистов. И оцепи территорию – обмотай лентой все, что только под руку попадется.

Арутян, позвонив криминалистам, ретиво схватился за рулон сигнальной ленты и принялся добросовестно выполнять приказ начальника.

Мэдиган и Дэнс отошли в сторонку и остановились на разбитой бетонной дорожке, ведущей к трейлеру.

– На кой черт Эдвину – или кому бы там ни было – отираться в трейлере у Бобби?

– Без понятия.

– Может, кореш какой-нибудь? Или по работе кто зашел?

– Кореш, вероятнее всего. С его командой техников я говорила накануне: ничего подозрительного в их словах и поведении не заметила.

Мэдиган помолчал и посмотрел на дверь дома. Похоже, ему не терпелось оказаться внутри. Покачавшись на каблуках, он вдруг спросил, перейдя на «ты»:

– На рыбалку часто едешь?

– Нет, вообще никогда.

– Гм... – хмыкнул старший детектив, разглядывая высохшую траву. – А что так?

– Да как-то не привлекает меня это занятие. Но есть у меня один друг, так ему только волю дай – будет дневать и ночевать в своей лодке прямо посреди бухты Монтерей.

Майкл О'Нил действительно использовал любую возможность, чтобы выйти в беспокойные воды бухты. Когда он отправлялся рыбачить с детьми, то брал с собой и Уэса, сына Кэтрин. За компанию с ними иногда ходил и отец Кэтрин, морской биолог на пенсии.

– Бухта Монтерей, говоришь? Если память мне не изменяет, там и на лосося можно нарваться. – Мэдиган задумчиво осмотрелся и прибавил: – Люблю рыбачить.

– Ради спортивного интереса?

– Нет. По-моему, это жестоко. Ловлю рыбу и ем ее.

– Майкл тоже так делает.

– Какой Майкл?

– Мой друг.

– А-а...

Мэдиган и Дэнс замолчали и принялись наблюдать, как Арутян и Стэннинг разматывают желтую сигнальную ленту. Из-за духоты повисшая тишина казалась еще более гнетущей.

– Я пообещала Табате защиту свидетеля.

– Организуем.

– Это важно.

– Говорю же, организуем, – с вызовом произнес Мэдиган. – Деннис, вызови патрульную машину. Попроси прислать сюда какого-нибудь новичка. Пускай присматривает за трейлером погибшего и семьей, что живет через дорогу.

– Спасибо, – поблагодарила его Кэтрин.

Мэдиган не ответил.

От тучного детектива пахло «Олд спайсом» или каким-то другим дезодорантом с гвоздичным ароматом. На поясе у него болтался патронташ на ковбойский манер: каждый патрон сидел в своем кожаном кармашке и смотрел капсюлем вверх. Никаких ускорителей перезарядки барабана – дисковых пластин с заготовленными шестью или восемью патронами – Мэдиган, похоже, не признавал. Да и не часто, наверное, приходилось во Фресно стрелять в людей, чтобы так заморачиваться с приспособлениями для перезарядки.

Мэдиган подошел к двери и осмотрел замок.

– Кажется, кто-то поработал отмычкой.

Вновь воцарилась неловкая тишина, которую несколько минут спустя нарушили криминалисты. Дэнс восхищенно воззрилась на них. Работали они на удивление слаженно: вся команда в один миг облачилась в специальные костюмы, маски и бахилы. Двое криминалистов, вооружившись, проверили дом на возможные угрозы и только потом запустили остальных. Кэтрин не раз была свидетелем совершенно иного зрелища, когда на подобные задания приезжали бойцы спецназа или обычные полицейские без должной экипировки и безжалостно уничтожали все улики.

Криминалисты вплотную взялись за трейлер Бобби: выявили отпечатки пальцев сначала при помощи ультрафиолета, а затем порошка; взяли на экспертизу вещественные доказательства; электростатическим методом собрали отпечатки обуви с крыльца и пола; осмотрели территорию вокруг дома, выискивая следы шин и предметы, которые преступник мог забыть или обронить.

Хотя Дэнс водила дружбу с Линкольном Раймом, едва ли не самым известным во всей стране криминалистом, однако никогда не позволяла себе слепо доверять вещественным доказательствам. Слишком свежо было в ее памяти то дело, когда преступник, сфальсифицировав улики, навел полицию на ложный след. В итоге по ошибке чуть не казнили ни в чем не повинного человека. С другой стороны, расследования Райма и его напарницы Амелии Сакс впечатляли: эта парочка проявляла прямо-таки чудеса криминалистической экспертизы, умудряясь разыскивать преступников по уликам, которые по большому счету и уликами-то не назовешь.

Стоило только появиться команде криминалистов, как Мэдиган сразу оживился, и глаза его заблестели охотничьим азартом. Он с неподдельным интересом наблюдал, как его сотрудники, точно гончие, рыскают по земле в поисках добычи и снуют по трейлеру.

«А ведь Мэдиган в каком-то смысле фетишист. Вещественные доказательства для него важнее людей, – подумала Кэтрин. – Наверняка запросто пожертвовал бы кем-нибудь из своих подчиненных, лишь бы только найти важную зацепку».

Через час криминалисты завершили работу. Погрузив в фургон множество коробок и сумок, они разрешили старшему детективу и его помощникам осмотреться в трейлере Бобби.

Шестое чувство подсказывало Дэнс: даже несмотря на попытку Мэдигана загладить неловкость первого знакомства задушевной беседой про рыбалку, терпение полицейского на исходе и она здесь по-прежнему нежеланная гостья. Поэтому, не теряя времени даром, агент вошла в дом Бобби. Внутри была настоящая парилка и пахло нагретыми на солнце пластиковыми панелями. Но Кэтрин разом позабыла про все эти неудобства, стоило только оглядеться. Она так и застыла, изумленно разинув рот, поскольку ничего подобного в жизни не видела. Это был не просто дом на колесах, а музей на колесах!

Плакаты, конверты из-под пластинок, фигурки музыкантов, гитары, винтажные усилители, орган «Хаммонд В-3», отдельные части редких духовых и струнных инструментов. Коллекция виниловых пластинок насчитывала сотни записей: были здесь как старинные (78 оборотов в минуту), так и более современные (33 и 45 оборотов) диски. Собирал Бобби и проигрыватели. Кэтрин даже обнаружила портативный катушечный магнитофон «Награ», выпускаемый швейцарской компанией «Кудельски Групп», – лучшего устройства для записи на магнитную ленту пока еще не придумали. Ну и разумеется, у Прескотта также имелась целая коллекция альбомов, которые можно было слушать на магнитофоне. Все это походило на выставку блестящих хромом и металликот ретроавтомобилей.

«Красотища какая! Настоящие произведения искусства! У Бобби определенно был вкус! – Кэтрин восхищенно разглядывала музейные экспонаты Прескотта. – Жаль, конечно, что цифровая аппаратура и электроника завоевали музыкальный рынок».

Тут и там на глаза попадались сотни памятных вещей, добытых на концертах, проходивших в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века. Кружки, футболки, кепки и даже авторучки. Одна из них принадлежала несравненному Полу Саймону. Именно в честь песни Саймона – «American Tune» – Дэнс и назвала свой сайт.

Большинство сокровищ Бобби принадлежало миру кантри-музыки. Фотографии, развешанные по стенам, наглядно иллюстрировали историю жанра. Дэнс считала, что все остальные направления американской музыки многим обязаны именно кантри. Со стены на гостью взирала целая плеяда выдающихся исполнителей.

Вот исполнявшие традиционное кантри участники легендарной радиопередачи «Гранд Ол Опри», существующей аж с 1925 года и выходящей и по сей день.

А вот бриолинщики рокабилли, захватившие сцену в пятидесятых.

В шестидесятые годы им на смену пришли бунтари аутло-кантри – Уэйлон Дженнингс, Хэнк Уильямс-младший и Вилли Нельсон.

Следом за ними появились короли и королевы поп-кантри семидесятых и начала восьмидесятых годов: Кенни Роджерс, Эдди Рэббитт и Долли Партон. На снимке последней даже красовался автограф.

А это неотрадиционалисты, вернувшиеся во второй половине восьмидесятых годов к истокам кантри и мгновенно снискавшие славу: Рэнди Трэвис, Джордж Стрейт, Трэвис Тритт, группа «Джэдс» и многие-многие другие.

Прямоком из девяностых на Кэтрин смотрели добившиеся мирового – впервые за всю историю кантри-музыки! – признания Клинт Блэк, Винс Гилл, Гарт Брукс, Шанайя Твейн, Минди Маккриди и Фэйт Хилл.

Нашлось место на стене трейлера и тем, кто в ответ на отлакированный нэшвилл-саунд создал свое уникальное звучание: этими музыкантами на кантри-сцене в девяностые годы стали Лайл Ловетт и Стив Эрл.

Не обошлось и без фотографий современных суперзвезд.

«Ого! Да тут у нас победительница шоу „Американ айдол“! – восхитилась Кэтрин. – Кэрри Андервуд собственной персоной! А это что?»

Внимание ее привлекли украшенные автографом ноты знаменитой песни Тейлор Свифт «Fifteen». Там рассказывалось о переживаниях и страхах пятнадцатилетней школьницы. Редко когда в кантри-музыке случалось, чтобы песня, посвященная не Богу, ура-патриотизму или водителю-дальнобойщику, тоскующему по родному дому, вдруг взяла да и завоевала сердца миллионов слушателей.

«А вот и Кейли Таун – куда же без нее! – Кэтрин отметила, что успех Кейли Бобби задокументировал более чем скрупулезно. – Наверное, ни один современный историк музыки не смог бы похвастаться такой обширной коллекцией, какую Прескотту удалось собрать у себя в трейлере, – подумала Дэнс. – Невосполнимая утрата! Причем для всего мира! Ведь вместе с Бобби погибло и его замечательное начинание: славная попытка сохранить память о главных вехах кантри-музыки двадцатого века».

И, насилу оторвавшись от созерцания экспонатов, она осторожно принялась осматривать жилище погибшего, сама даже толком не зная, что именно ищет.

И вскоре поиски увенчались успехом: женщина заметила кое-что необычное.

Кэтрин подошла к полке с подшивками и папками, где у Бобби хранились документы и счета. Рядом стояли коробки с дисками и магнитофонными кассетами. Некоторые оказались первопрессами – их Прескотт заботливо пометил наклейкой «мастер-лента».

Изучая содержимое полок, Дэнс прошла мимо окна, в котором Табата утром видела взломщика, и застыла от удивления: буквально в каком-то шаге от нее стоял по-прежнему всем недовольный Пи-Кей Мэдиган – их, правда, разделяло стекло.

Кэтрин прочитала по губам: «Подойди-ка в сараюшку – кое-что покажу!»

Однако крикнула в ответ:

– Я тоже кое-что нашла!

Мэдиган маленько покобенился, но в трейлер все-таки пошел.

– Ну, что там еще за находка?

– Если выражаться точнее, то я обнаружила пропажу.

– Да ладно? – ехидно воскликнул детектив. – Неужто ты трейлер допросила?

– Что ж, можно и так сказать. У людей есть привычка говорить, жестикулировать и выражать эмоции определенным способом. Эта манера поведения прослеживается и там, где человек живет. Бобби был аккуратный малый, и все у него разложено по полочкам. Но вот здесь только посмотри – полный бардак.

– Ну, бардак и бардак! У моего сына-подростка точно такой же!

– А на других полках – просто идеальный порядок. Совсем не похоже на Бобби. И это не ваши криминалисты поработали: на месте вещдоков они оставили ярлычки. Скорее всего, в коробке порылся наш утренний гость. Тем более полка у самого окна. Именно тут Табата и видела незнакомца.

– Откуда тебе знать, забрал он что-то или нет?

– Я, конечно, уверенной на все сто быть не могу, но как еще объяснить действия взломщика? Остальные полки даже не тронуты: значит, незнакомец нашел то, что искал, именно здесь.

Мэдиган неохотно подошел к полкам, шелкнул латексными перчатками, пролистал бумаги, фотографии, перебрал бобины, покрутил в руках безделушки и наконец сказал:

– А ведь эти снимки Кейли нигде не купишь. Тут кое-что личное!

«Он прав! А я-то, балда, этого и не заметила!» – с сожалением констатировала Кэтрин.

– Такие вещицы любой хотел бы себе в коллекцию заполучить, – присвистнул Мэдиган. – А уж этот ублюдок-преследователь и подавно!

– С этим не поспоришь, – отозвалась Дэнс.

Детектив провел пальцем по толстому слою пыли на полке и пригляделся. Похоже, педантичного Бобби пыль особенно не беспокоила.

– Вверх по дороге есть цементный завод. Пыль, судя по всему, оттуда. Было в этом трейлерном парке у нас уже дельце – засадили одного типа благодаря этой цементной пыли, – так что я знаю, о чем говорю. Может, и на этот раз полезной окажется, кто знает? – сказал Мэдиган и холодно глянул на Дэнс. – Есть у тебя еще что-нибудь?

– Нет.

Не говоря больше ни слова, старший детектив вышел из трейлера. Дэнс – следом за ним.

– Эй, вы как там, нашли что-нибудь? – крикнул шеф Арутяну. – Есть зацепки?

– Увы!

Стэннинг тоже помотала головой.

– А где Лопеса носит?

– Остался на месте преступления.

Мэдиган снял телефон с широкого ремня с блестящей пряжкой, отошел в сторонку и позвонил. Кому и зачем – об этом оставалось только догадываться. Пока детектив беседовал по телефону, его взгляд блуждал по двору погибшего, время от времени задерживаясь в задумчивости на Дэнс. Наконец он убрал мобильник и скомандовал Арутяну:

– Найди мне этого Эдвина. Из-под земли достань! Мне надо с ним перетереть.

– Арестовать?

– Нет. Убеди, что это в его интересах.

Детектив вдруг переключился на Кэтрин и хрипло гаркнул:

– Ну что ты на меня так смотришь? Скажешь, плохая идея?

– Может, и неплохая, но лично я предпочла бы слежку.

Мэдиган повернулся к Арутяну:

– А ты чего столбом стоишь? За дело!

– Есть, сэр, – отозвался Арутян, сел за руль и рванул с места.

«Даже не попрощался! Ну и воспитание!» – подумала Дэнс. – Текст песни он, похоже, так и не смотрел. И не собирается».

Мэдиган, широко шагая и колыхая круглым животом из стороны в сторону, подошел к машине, напоследок огляделся, втиснулся на сиденье автомобиля и крикнул Стэннинг:

– Кристал, поехали! По дороге все объясню. Твою машину заберем позже.

Стэннинг послушно села к Мэдигану. Как и Арутян, не сказав агенту КБР ни слова на прощание, они вырулили на шоссе и умчались.

«Ну и фиг с вами», – подумала Кэтрин, выудила из кармана ключи от «ниссана», повернулась к внедорожнику и... застыла на месте. Невольно закрыв глаза, она горько усмехнулась. Полицейская машина Стэннинг стояла впритык к заднему бамперу ее автомобиля. Выезд вперед из-под навеса тоже оказался заблокирован: мешали горы мусора и тяжеленный, не меньше полутонны, восьмицилиндровый двигатель.

– Ну вот, кажется, приехали! – буркнула Кэтрин.

Глава 13

Вернувшись из трейлерного парка в Объединенное управление шерифа округов Фресно – Мадера, Мэдиган и Стэннинг первым делом заглянули в находившийся в соседнем здании криминалистический отдел – чтобы поторопить специалистов с экспертизой.

«Стоит мне только сказать, и для Кейли Таун, прославившей Фресно, эти ребята горы свернут, – дорогой думал Мэдиган. – Да и моя просьба для них, конечно же, не пустой звук!»

Мысли его вернулись к агенту Дэнс. Он представил, как она в отчаянии кружит вокруг своего севшего на мель автомобиля.

«Некоторые просто слов не понимают, – рассуждал детектив. – Пока по башке не получают, не дотумкают! Отправлю Стэннинг к ней через час, а то и через два! Ай да я! Ловко устроил западню с автомобилями! „Ой, Кэтрин, прости, мы не хотели! Ну надо же! Оказалась меж двух огней! Бедняжка!“ Ха! Как же меня достали эти столичные выскочки! – негодовал Мэдиган. – Не будь в деле замешана Кейли Таун, предложила бы нам свою помощь эта хваленая Кэтрин Дэнс? Ага, как бы не так! Держи карман шире! Да она прежде небось даже и слыхом не слыхала про существование Фресно. И уж тем более ни за что не приехала бы сюда просто так – город посмотреть. А где же, спрашивается, была эта самая Дэнс со своим КБР, когда какой-то недоумок, вознамерившийся заслужить уважение банды MS-13, взял автомат и вместо наркодилера враждебной преступной группировки – который, кстати, скрылся живым и невредимым – порешил двух детей в пиццерии городка Херндон? Ну конечно, они ведь ничем не прославились, поэтому и КБР тут делать нечего! А вот знаменитая певица – это уже совсем другой коленкор!»

Мэдиган никак не ожидал от КБР такой дешевой игры на публику. Старший детектив уже много лет работал в полиции, а потому первым делом навел справки. Он все выяснил и про Чарли Оверби – начальника Кэтрин, и про саму Дэнс. Прошерстив архивы и записи на «Ютьюбе», Мэдиган быстро смекнул, что за люди работают в этом пресловутом КБР. Чарли Оверби делал заявления прессе быстрее, чем Джеймс Батлер Хикок, по прозвищу Дикий Билл, стрелял из револьвера.

«Раз Дэнс не считает зазорным работать с таким выскочкой, значит она и сама точно такая же, – решил полицейский. – Да и вообще буквально все говорит против нее. Случайно оказалась во Фресно? Вот так совпадение! Подруга Кейли? Пускай кому-нибудь другому очки втирает! Вот же навязалась на мою голову!»

„Старший детектив Пи-Кей Мэдиган, не возражаете, если мы немножко тут у вас похозяйничаем?“ – передразнил он Кэтрин.

Хотя Дэнс и помогла расследованию, Мэдигана совершенно не устраивали мотивы, которыми руководствовалась эта выскочка. Помимо всего прочего, что это еще за мамбо-джамбо-кинесика такая? Говно на палочке! Все равно что учиться ловить форель по телепередачам канала «Дискавери» или изучать книжки, вместо того чтобы идти за рыбой в море: удить, чистить, а потом жарить на растительном масле!

«Ну уж нет, рассказывайте эти сказки кому-нибудь другому! А уж я-то знаю, что на кинесике далеко не уедешь! Преступления раскрываются благодаря криминалистической экспертизе, а не магии вуду. У наших спецов есть все улики: из концертного зала, из трейлера Бобби. Теперь дело за малым – дождаться результатов! А уж та цементная пыль – просто подарок судьбы! Да при таком раскладе я этого сукина сына раскатаю на раз-два! Ох, он у меня попляшет!» – все больше распалялся детектив.

С этими мыслями Мэдиган переступил порог криминалистической лаборатории. Кристал поспешала за шефом. Старший детектив полной грудью вдохнул запах химикатов. Ах, этот аромат недавно проведенной газовой хроматографии! Все это пробудило в сердце полицейского ностальгию. Школьные годы! Ему припомнился запах горелки на уроках химии, а следом, одно за другим, потянулись зыбкие воспоминания: игра в футбол за школьную команду; еще пышущий здоровьем брат; подруга, с отличием закончившая школу, – эх, были времена!

– Эй, Чарли! Хорош прятаться! – крикнул Мэдиган.

Оторвавшись от компьютера, одиноко стоявшего посреди лаборатории кабинета, составленного из офисных перегородок, выглянул полный розовощекий мужчина: то был руководитель криминалистического отдела Чарли Шин. Лаборатория представляла собой обширное пространство с установленными тут и там кабинками и рабочими столами, на которых красовалось множество всяческих современных приспособлений для проведения криминалистической экспертизы. Сколько пота и крови Мэдиган пролил, чтобы добыть для своих людей все эти сокровища!

– Здорово, шеф! – приветствовал посетителя Шин. В его голосе отчетливо слышался бостонский акцент.

«Так говорят на побережье залива Массачусетс, – подумал Мэдиган и, вспомнив, как в народе называли бостонцев, усмехнулся. – Бобовые едоки!»

Старший детектив считал, что на скудный бюджет Объединенного управления шерифа округов Фресно – Мадера специалиста лучше, чем Шин, днем с огнем не сыскать. Более того, Шин был одним из тех немногих, кого Мэдиган искренне уважал за профессионализм, хотя и не мог отказать себе в удовольствии при удобном случае поддразнить коллегу, являвшегося полным тезкой скандального голливудского актера.

– Мне нужно, чтобы ты выжал все соки из своих ребят по этому делу, связанному с Кейли Таун.

– Бедная девочка! Надо же было так ее напугать перед самым выступлением! – покачал головой круглолицый Шин. – Кстати, ты пойдешь в пятницу на ее концерт? Мы вот с женой в кои-то веки раз решили все-таки выбраться!

– Я тоже пойду, – отозвалась Стэннинг.

– А я нет, – ответил Мэдиган, предпочитавший держать все под контролем. Его угнетала мысль, что на концерте он не сможет выключить музыку в любое мгновение, когда того пожелает его душа. – Что у нас там по уликам?

Шин кивнул на специалистов в очках, перчатках и белых комбинезонах, сосредоточенно трудившихся за лабораторными столами.

– Пока ничего. Работы много. В трех местах ведь насобирали барахла: концертный зал, трейлер Прескотта да еще до кучи и дом, который арендовал Шарп! В общей сложности у нас на руках около двухсот следов. Есть и отпечатки пальцев, собранные у Шарпа дома, но подтвердить, что они принадлежат именно ему, мы не можем: в базе ФБР этого парня нет.

«Если уж за что и любить ФБР, – говаривал Мэдиган, – то только за их автоматизированную систему дактилоскопического учета. В остальном же парни из бюро просиживают штаны зря!»

– Ничего. С Шарпом я сам переговорю и отпечатки непременно добуду. Подловлю его на старом трюке с бутылкой.

– Да, кстати, что там еще за агент Дэнс из КБР?

– А ты-то про нее откуда прознал? – насторожившись, гаркнул Мэдиган.

– Так она звонила...

– Звонила? Тебе? Сюда?

– Ну да. Она переговорила с личной помощницей певицы, Алишей Сешнс, и выяснила, что накануне за ними с Кейли кто-то следил. Мы перетряхнули весь концертный зал, но ничего не нашли. Вы что, запросили помощи у КБР?

– Нет, конечно. КБР не в деле.

– Вот незадача! – только и сказал Шин.

Они немного помолчали, и эксперт продолжил:

– Насчет пыли в трейлере у Бобби ты был прав: она с цементного завода неподалеку, точно такая же, как и та, что фигурировала в деле Баньеро. Больше ей взяться неоткуда.

– Лопес обнаружил в доме Эдвина какую-то пыль на снимках Кейли и сувенирах – она совпадает с найденной в трейлере погибшего?

– В доме Эдвина действительно много похожей пыли. Ее тоже собрали, но заключение пока не готово. Есть еще кое-что. В оркестровой яме обычно лежат коробки – те, которые используют каскадеры – на случай падения. Так вот, наш преступник, надев резиновые перчатки, похоже, сперва сдвинул эти коробки, а затем и отключил детекторы дыма.

– А это уже что-то! Мигель Лопес нашел у Эдвина на кухне коробку с резиновыми перчатками. Хоть они-то совпадают?

– Ну, не все так просто и быстро делается: предстоит определить производителя и сравнить следы гребешковой кожи на внутренней поверхности перчаток.

– Чарли, ты молоток! Как только будут результаты, сразу звони мне. В любое время дня и ночи!

Мэдиган и Стэннинг отправились по длинному коридору, а затем вниз по лестнице в детективный отдел управления шерифа. Встречавшиеся им по пути сотрудники, завидев Мэдигана, почтительно и даже с испугом кивали ему в знак приветствия.

Мысли старшего детектива опять вернулись к Дэнс.

«Эту чертовку не запугаешь! – подумал он, и ему вдруг стало совестно. – Помирает, наверное, там на солнцепеке! Хотя кто ей мешает включить кондиционер в этом ее дорожном внедорожнике? К тому же у таких, как она, всегда найдется в загашнике бутылочка какой-нибудь особенной водицы. Из фонтанчика-то современные мамашки-наседки пить гнушаются!»

Он толкнул дверь с поблекшими и облупившимися буквами «Детективный отдел».

Первой на глаза Мэдигану попалась бульдожья физиономия Габриэля Фуэнтеса. Даже зимой Габриэль потел как свинья. В отличие от остальных помощников шерифа, сплошь бывших военных, Фуэнтес никогда не служил в армии, а потому и к внешним армейским атрибутам вроде короткой стрижки относился без должного почтения. Он с гордостью носил свои блестящие черные патлы, хотя особо не зарывался: не рискуя вызывать гнев начальства, отпустил шевелюру ровно настолько, насколько это могло сойти ему с рук.

Над Фуэнтесом, рост которого составлял пять футов восемь дюймов, как утес, нависал долговязый парень.

«А сбросил он и впрямь прилично! – подумал Мэдиган, наметанным глазом сразу признавший Эдвина Шарпа: адвокаты Кейли уже успели переслать ему фотографии главного подозреваемого. – Высоченный, руки по колено; крупные, мясистые ладони; под густыми шерстистыми бровями сверкают ввалившиеся глаза. Так-то вроде обыкновенный человек – вот только взгляд этих цепких глазок... Больно уж пронизывающий!»

Эдвин, к удивлению полицейского, держался спокойно, если не сказать расслабленно.

«Даже дети, черт побери, и то нервничают больше, когда приходят сюда с экскурсией!» – изумился про себя Мэдиган и невольно отметил, что в жизни не видал такой странной улыбки: улыбался парень одними лишь уголками губ.

Эдвин перевел на него взгляд своих цепких глазок, сверкавших точно огоньки в темном туннеле.

– Детектив Мэдиган! Здрасьте! Как поживаете? Я Эдвин. Эдвин Шарп.

«Надо же, на бейджик даже и не посмотрел, – недоумевал Мэдиган. – Неужто мы с ним прежде уже пересекались?»

– Много времени я у тебя не отниму, сынок. Спасибо, что заглянул.

– Чисто для протокола. Я ведь не арестован. Вы попросили, а я добровольно явился. Захожу – уйду. Все верно?

– Да. Мороженое будешь?

– Что, простите?

- Мороженое, говорю, будешь? Могу угостить.
- Спасибо, но я – пас. Что именно вы хотели узнать?
- Как к тебе лучше обращаться: Эд или Эдвин?

Шарп улыбнулся своей чертовски жуткой улыбкой и ответил:

- Называйте меня Эдвином, Пайк.

Мэдиган оторопел.

«Какого хрена этот тип назвал меня по имени? – возмутился он. – И откуда ему вообще знать, что я Пайк? Да тут в отделе-то небось никто не в курсе!»

– Что ж, Эдвин так Эдвин. погоди немного, сейчас вернусь, – сказал старший детектив и кивнул Фуэнтесу: мол, давай топай в коридор.

– Выкидывал Шарп фортели какие? – шепотом поинтересовался Мэдиган, когда они оба оказались в коридоре.

– Нет. Только я заикнулся, что вы хотите с ним побеседовать, как он сразу засобирался. Мигель с криминалистами нарыли у него дома кучу серьезных улик.

- Да, я слышал! Пускай продолжают в том же духе.
- Хорошо, – отозвался Габриэль. – Как там Кейли? Держится?
- Тяжко девчонке, но она молодцом.
- Вот же ублюдок! – пробормотал Фуэнтес.

Оба детектива обернулись. Эдвин сверлил их глазками сквозь стекло. Шарп, конечно же, ничего не слышал, но от его насмешливого взгляда по спине у Мэдигана пробежал холодок: казалось, парень прочитал по губам каждое их слово.

Мэдиган отправил Фуэнтеса обратно к Шарпу, а сам прошел на кухню, открыл холодильник и зачерпнул в картонный стаканчик мороженого. Это лакомство старший детектив просто обожал. Ни жвачка, ни сигареты, ни алкоголь – даже пиво под барбекю – не прельщали его так, как мороженое! И боже упаси: никакого сорбета, замороженного йогурта или, скажем, обезжиренного – только классика! Платой за любовь к мороженому стали десять фунтов лишнего веса, но жертва эта, с его точки зрения, была вполне оправданной.

Все полагали, будто Мэдиган, поедая на допросах мороженое, запугивает таким образом подозреваемого или же, если угощает и его тоже, непременно пытается втереться в доверие. Но истина была намного проще: старший детектив просто-напросто жить не мог без мороженого.

На этот раз он побаловал себя мятным с шоколадным топингом.

– Так, Эдвин, ну давай поболтаем немного, если ты не против, – вернувшись, сказал Мэдиган и дважды зачерпнул мороженое металлической ложкой. Старший детектив ненавидел пластик. Бумажный стаканчик или вафельный рожок – это пожалуйста! Но только не пластиковые ложки!

Мэдиган и Шарп направились было в комнату для допросов, когда дверь в детективный отдел распахнулась и на пороге возникла Кэтрин Дэнс.

«Господи Иисусе!» – закатил глаза Мэдиган.

Глава 14

Потеряв десять минут на попытки совладать с широкой колесной базой «ниссана» и вырулить, сдавая то вперед, то назад, Кэтрин наконец плюнула и сдалась: открыла в телефоне приложение, вызвала такси и отправилась по горячим следам за Мэдиганом и Стэннинг в управление шерифа.

«И на что я, интересно, только надеялся?» – сетовал разочарованный Мэдиган.

– Агент Дэнс, какими судьбами? – Самый преданный поклонник Кейли Таун изумился даже еще больше, чем полицейские. – Рад вас видеть! Как поживаете?

– Спасибо, неплохо.

«Ага, даже слишком хорошо для посаженной в импровизированный изолятор возле трейлера Бобби», – проворчал про себя Мэдиган.

«Ну хоть кто-то здесь рад моему появлению! – подумала Кэтрин. – И даже мою фамилию правильно произнес!»

– Пайк, на пару слов, – намеренно назвав копа по имени, отчеканила Дэнс: поступок старшего детектива взбесил ее не на шутку.

– Кэтрин, не до тебя сейчас, – отозвался Мэдиган. – Эдвин, пойдем. Сюда. Может, прихватить бутылку холодненькой водички? Если что, мы в третьей комнате, – бросил он через плечо помощнику, и они с Шарпом ушли.

После пяти минут томительной неизвестности перед Дэнс вырос ражий, широкоплечий и усаый Деннис Арутян. Помощник покинул жилище Прескотта еще прежде, чем Мэдиган додумался до хитроумной комбинации с машинами, поэтому он знать не знал, что Кэтрин объявили персоной нон грата.

Женщина достала из сумочки удостоверение агента КБР и прикрепила его, выставив на всеобщее обозрение, на держателе к ремню: так она не делала даже при исполнении.

– Привет, Деннис! – по-свойски сказала Кэтрин, приближаясь к детективу. Она решила общаться с помощниками шерифа на том же языке, что и сам Мэдиган.

Арутян нахмурился, но, в отличие от шефа, враждебности в его глазах не читалось – разве что некоторое смущение.

«Видимо, так и не удосужился посмотреть текст песни „Твоя тень“, – решила Дэнс. – Вот и чувствует себя неловко».

– Мэдиган допрашивает Эдвина, а я что-то никак не могу отыскать третью комнату. Не подскажешь, где она?

Блеф удался. Помощник шерифа, не задавая лишних вопросов, повел Кэтрин по коридору и даже вежливо придержал дверь. Он зашел в помещение следом и включил свет. Вспыхнувший в комнатухе свет Мэдиган и Эдвин видеть не могли: каждый счастливый обладатель телевизора знает, что зеркало Гезелла не пропускает ни свет, ни звук, позволяя полицейским и свидетелям быть невидимыми участниками допроса.

«Совестно, конечно, вот так злоупотреблять доверием Арутяна, – подумала Кэтрин, – но безопасность Кейли превыше всего. Мэдиган, разумеется, тоже хочет защитить Таун, но, сдается мне, он пока не понимает, насколько опасен Шарп. И кстати, я же до сих пор еще не простила его и злюсь! Ох, как я злюсь!»

Она обвела взглядом комнату для допросов. Обстановка, прямо скажем, спартанская! Стены голые. В центре широкий стол из ДВП, вокруг него – шесть стульев. В углу столик с бутилированной водой и стопкой блокнотов. Ни тебе ручек, ни карандашей.

Мэдиган старался вести себя уверенно – как профессионал. Он вальяжно уселся за стол и подался вперед, чтобы не пропустить ни слова. Все свое нахальство и деспотичность старший детектив оставил за порогом комнаты для допросов.

«Вероятно, хочет приберечь для таких, как я, – сующих нос не в свое дело», – с горькой иронией усмехнулась про себя Кэтрин.

Мэдиган даже лишний раз не жестикулировал, дабы не сбивать подозреваемого с мысли. Обращался к Эдвину уважительно и все спрашивал: удобно ли тому, не жарко ли, не холодно ли?

Заметив в руках детектива мороженое, Дэнс сперва решила, что Мэдиган явно что-то задумал.

Кэтрин не понаслышке знала: одно неосторожное слово или жест – и доверие допрашиваемого утрачено навсегда. Первое правило допроса: нельзя позволять себе ничего лишнего. Пить кофе, почесывать голову или хмуриться – всех этих движений, развитию допроса опре-

деленно не благоприятствующих, по мнению Дэнс, следовало избегать. Но у Мэдигана, похоже, на этот счет имелись свои соображения – по крайней мере, когда дело касалось мороженого.

«Хотя, пожалуй, вряд ли он что-то замышляет, – усомнилась Кэтрин. – Скорее всего, обыкновенная блажь!»

Старший детектив с нескрываемым удовольствием прикончил лакомство и выбросил стаканчик. Эдвин вел себя так, будто это он вызвал Мэдигана на допрос: парень совершенно не тушевался и ловил каждое движение старшего детектива.

Беседа еще не успела толком начаться, а Мэдиган уже наломал дров.

Во-первых, он сел по другую сторону стола от Эдвина. Любое препятствие – будь то стул или стол – создает у подозреваемого совершенно недопустимое на допросе ощущение уверенности.

Во-вторых, Мэдиган, махнув рукой в сторону столика в углу, предложил Эдвину воды и при этом даже не потрудился встать со стула.

«Если бы он оторвал свой зад и сунул Шарпу бутылку прямо в руки, то, быть может, и добился бы желаемого результата», – недовольно подумала Кэтрин.

Уловка была стара как мир: вручив подозреваемому бутылку, Мэдиган желал заполучить дерматоглифический рисунок кожного покрова, а попросту говоря – отпечатки пальцев Эдвина. Но Шарп тоже был не лыком шит и к бутылке «Чистого источника» прикасаться даже и не собирался.

«Мэдиган раскрыл карты: пускай и не полностью, но продемонстрировал свои намерения, да при этом еще и показал себя не с лучшей стороны. У Эдвина наверняка уже сложилось не самое радужное впечатление об умственных способностях старшего детектива, а это – большая проблема!» – продолжала анализировать Кэтрин.

Ну а в-третьих, и это сулило расследованию еще большие проблемы, Мэдиган неправильно выстроил линию допроса.

– Скажите, Пайк, почему меня пригласили в полицию?

– Тебе знаком Роберт Прескотт?

«Ответ неправильный», – вздохнула про себя Кэтрин.

– Кто-кто? А, техник Кейли! – Эдвин покивал и потер массивный лоб с выступающими надбровными дугами.

– Эдвин, а где ты был прошлой ночью, когда погиб Бобби?

«Боже, нет! Это уже ни в какие ворота не лезет!» – воскликнула Кэтрин.

Арутян изумленно посмотрел на женщину: похоже, она невольно произнесла эти слова вслух.

– Что? Как? Он мертв? – всполошился Эдвин.

– А ты, стало быть, не в курсе?

– Нет! Откуда? Ужас! Они с Кейли были так близки! Что случилось?

– Погиб при пожаре. То есть ты хочешь сказать, что прошлой ночью в концертном зале тебя не было? – Мэдиган угрожающе подался вперед.

Дэнс сразу разгадала намерения старшего детектива: у хакеров есть метод, называемый брутфорс-атака, который заключается в последовательном переборе всех возможных вариантов пароля. И похоже, Мэдиган, решив воспользоваться именно этим методом, собирался обрушить на Эдвина целую лавину сведений – подтвержденных и не очень, а затем посмотреть на его реакцию. Если дознаватель действовал нахрапом, то в ряде случаев подобная тактика срабатывала и подозреваемый вполне мог сознаться в содеянном преступлении.

«Чего-чего, а нахрапистости Мэдигану не занимать», – подумала Кэтрин.

Но был у такого метода и существенный минус: если подозреваемый не раскололся, то о дальнейшей беседе можно даже и не мечтать. Именно поэтому агент Дэнс в своей практике такого подхода избегала.

«Информация – самый ценный ресурс дознавателя, – напомнила себе Кэтрин. – И распоряжаться этим ресурсом нужно с умом и превеликой осторожностью. Тогда и только тогда, мало-помалу выуживая сведения, возможно заставить подозреваемого завратиться и вывести его на чистую воду. Ну а Мэдиган что сделал? Взял да и выложил Эдвину все как на духу: и сам факт смерти Бобби сообщил, и место его гибели, и при каких обстоятельствах это произошло... Если бы я допрашивала Шарпа, то обязательно повременила бы с этими деталями!»

– Грустно слышать столь печальные вести. Такой удар для Кейли, – приуныв, произнес Эдвин, не сводя глаз с собеседника.

Мэдиган помолчал, а затем быстро проговорил:

– Где ты был вчера в полночь, когда погиб Прескотт?

– Вы не хуже меня знаете, что я не обязан вам отвечать. И я очень неприятно удивлен, детектив. Вы намекаете, что это я лишил жизни Бобби? С какой стати мне убивать его? Я бы никогда не причинил вреда близким Кейли. Но на ваш вопрос я все-таки отвечу: в полночь я был в своем коттедже, который арендовал.

– Кто-нибудь может подтвердить твои слова?

– Если только кто-то вдруг проезжал мимо моего дома в этот час. Наверняка не скажу. Почти весь вечер я просидел в гостиной, слушая музыку. Занавесок там, кстати, нет.

– Хорошо, – отозвался Мэдиган и тут же попытался снова прижать Эдвина к стенке. – У нас есть два свидетеля: один видел тебя у концертного зала около полуночи, а второй – этим утром возле дома Бобби. Ну, что ты на это скажешь?

Глава 15

– А они хорошо разглядели? – сдвинув густые брови, спросил Эдвин.

Мэдиган рассчитывал услышать от Шарпа что угодно, но только не это.

«Не отвечай, черт возьми!» – взмолилась Кэтрин.

– Разумеется, хорошо. Что у концертного зала, что возле дома Бобби Прескотта – тебя видели люди, живущие по соседству.

«Господи! Он же только что сдал ему свидетелей!»

– Они обознались. Я сидел дома и слушал музыку, – невозмутимо пожав плечами, отозвался Эдвин.

– Табата не сможет опознать взломщика, – обратилась Дэнс к Арутяну. – Она ничего толком не рассмотрела. Вы еще каких-то свидетелей отыскиали?

Деннис помолчал, а затем произнес:

– Насколько мне известно – нет.

– А свидетель из дома напротив концертного зала? Мэдиган его выдумал?

– Нет, – ответил Арутян, поколебался и прибавил: – Вроде бы какая-то женщина, живущая по соседству, видела его неподалеку от зала.

– Она именно Эдвина видела?

– Я не... не знаю.

«Колеблется, – подумала Дэнс, – значит, и этому свидетелю – грош цена!»

Кэтрин припомнила, как выглядели окрестности. Ближайший дом находился ярдах в двухстах за автомобильной стоянкой концертного зала: поздним вечером оттуда возле парадных дверей можно было разглядеть лишь неясный силуэт.

– Если Мэдиган так смело рассказывает главному подозреваемому о свидетелях, то он, наверное, обеспечил им защиту? Ведь найти этих людей Эдвину не составит никакого труда! Не знаешь, старший детектив отдавал соответствующие распоряжения? Насчет Табаты, например?

– К Табате он точно направил патрульную машину, а вот про вторую свидетельницу – не подскажу.

– Надо бы и к ней приставить патрульного.

– Ага.

А допрос тем временем продолжался.

«Наверняка Мэдиган таким способом не раз выбивал признание из шушеры Центральной долины, – подумала Кэтрин. – Только вот Эдвин – не тот случай. Это ведь не уличная шпана, которую привык гонять старший детектив».

Она вздохнула.

«До серийного убийцы Джайлса мне далеко, а Кейли – не такая оторва, как Линдси Лохан...» – вспомнились Дэнс слова, которые Шарп произнес накануне в «Ковбойском салуне».

– Эдвин, мы осмотрели твой дом и нашли много чего интересного. Например, резиновые перчатки. Точно такие же мы обнаружили на месте преступления. А еще твои следы...

Самый преданный поклонник Кейли, и глазом не моргнув, внимательно выслушал Мэдигана и спокойно кивнул:

– Понятненько. Значит, вломились в мой дом, да? А ордером похвастаетесь?

– Нам он ни к чему. Помощник все разглядел через окно.

– Что, прям с тротуара? – спросил Эдвин. – Я не верю вам. Вы вторглись в частную собственность. Верните все, что забрали. У вас нет ордера.

– У Мэдигана и правда нет ордера на обыск? – спросила Кэтрин у Арутяна.

– Не-а... Обнаружив пропажу вещей у Бобби, шеф отправил помощника Лопеса обыскать дом Эдвина. Мигель заглянул в окно и увидел много чего интересного... А в чем дело?

Дэнс ничего не ответила.

– Да ноги моей не было в трейлере Бобби, так что... – продолжил было Эдвин, но Мэдиган вдруг перебил его.

– А откуда тебе вообще знать, что погибший жил в трейлере? – торжествуя, воскликнул он.

– Мне с самого начала показалось странным, что вы называете трейлер Прескотта домом. Всем известно: Бобби живет в широченном таком трейлере – музее кантри-музыки на колесах. Пару лет тому назад Кейли даже написала про это песню. Похожая песня, кстати, есть еще у Дона Маклина – «American Pie». Вы не в курсе? Детектив Мэдиган, вы меня удивляете! Я думал, вы всей душой любите Кейли и знаете о ней абсолютно все!

Торжествующую улыбку полицейского как ветром сдуло. Едва сдерживая гнев, он процедил:

– Эдвин, лучше признавайся по-хорошему. Я же вижу, ты хочешь облегчить душу! Насквозь тебя вижу!

«Ну, Пайк! Давай еще заученными фразами из учебника по допросам будем парня запугивать! Сейчас Эдвин зарыдает и расколется!» – саркастически подумала Кэтрин.

Шарп, как и следовало ожидать, ничуть не смутился, а лишь спросил:

– Могу я забрать свои вещи? Где они? В криминалистической лаборатории? Это то здание, что южнее, верно?

Мэдиган удивленно сморгнул:

– Слушай, парень, ты не в том положении, чтобы отпираться. Хватит! Давай-ка лучше сотрудничать. Я переговорю с прокурором, и он обязательно скостит тебе срок. Ну, колись! Что вы там не поделили с Бобби, а? Все ведь началось, когда вы стали бодаться в «Ковбойском салуне», я прав? Мужик, я тебя понимаю, такое случается – и прокурор поймет. Он ведь тоже мужик. А что касается всех твоих преследований Кейли... Если признаешься в убийстве, мы закроем на них глаза.

– Преследований? – озадаченно переспросил Эдвин. – Да какие там еще преследования?! Мы с Кейли – друзья! Можете сами у нее спросить!

– Друзья? Ты это юристам Кейли расскажи!

– Знали бы вы, как бедняжка их боится! Все эти юристы пляшут под дудку ее отца! Они ей такого про меня наплели – аж мороз по коже!

– Сдается мне, все совсем не так, как ты там себе нафантазировал, – возразил Мэдиган. – На самом деле ты приехал, чтобы преследовать Кейли, но в «Ковбойском салуне» напоролся на Бобби, вы поссорились, а затем ты поквитался с ним.

– Детектив, фантазируете здесь только вы, – спокойно отвечал Эдвин. – Я приехал во Фресно развеяться – на концерт. Сиэтловскими дождями я уже сыт по горло. Я здесь, чтобы поддержать Кейли – свою любимую исполнительницу, которая, ко всему прочему, оказывает мне недвусмысленные знаки внимания. А она – на минуточку! – одна из самых лучших певиц нашего поколения. Вы говорите, будто я преследую Кейли, но это же смешно! Именно я выступаю в роли жертвы! Разве вам не сообщили о моем звонке?

– О каком еще звонке? – нахмурился Мэдиган.

– Я подумал, вы послали за мной помощника шерифа Фуэнтеса в связи с моей жалобой, чтобы узнать подробности...

– Что еще за жалоба?!

– Неужели вам ничего не сказали? Хотя неудивительно, учитывая последние события. В ночь на воскресенье я позвонил «девять-один-один» и сообщил, что около моего дома околачивается некий подозрительный тип и заглядывает в окна. И что вы думаете? Никто даже палец о палец не ударил! Тысяча двести полицейских! И ведь ни один не откликнулся! Ладно, допустим, были заняты, но потом-то ведь можно приехать – опросить соседей? Но нет! Я же в этих местах чужак! Так зачем напрягаться?

Мэдиган мрачно усмехнулся:

– Вообще-то, у нас всего четыре сотни полицейских на округ Фресно и еще шестьдесят – на Мадеру. И эта немногочисленная братия должна поддерживать порядок на территории аж в шесть тысяч квадратных миль – всей долины целиком! До самых гор! И что ты мне предлагаешь? Бросить все и бежать сломя голову арестовывать какого-то там соглядатая? Которого, кстати, ты, может, и вовсе выдумал!

«Если Эдвин пытался разнюхать возможности Мэдигана, – подумала Кэтрин, не веря своим ушам, – то ему это определенно удалось».

Несмотря на все давление со стороны копа, Шарп оставался безмятежным, как летний денек.

– Детектив, где справедливость? Вы сами себе противоречите. Вот вашу местную певицу преследуют, и вы готовы ради нее в лепешку расшибиться. А когда я обращаюсь к вам за помощью и заявляю, что вокруг моего дома околачивается какой-то подозрительный тип, – вы что делаете? Да ровным счетом ничего! Если вы не лжете и Бобби Прескотта действительно убили, а в его доме на колесах видели кого-то похожего на меня, то я клянусь вам: это подстава. Настоящий убийца пытается сделать из меня козла отпущения. Детектив, да поймите уже, наконец: я люблю Кейли! Никогда бы не навредил ни ей, ни ее близким!

– Эдвин, ты не влюбился, а спятил! Помешался на знаменитой певице, которая тебя знать не знает!

– Пайк, а разве любовь – это не помешательство? Разве вы не были когда-то помешаны на своей жене? – спросил Эдвин и посмотрел на обручальное кольцо детектива.

– Не смей говорить о моей семье! – взорвался Мэдиган.

– Прошу прощения, – хмурясь, отозвался Шарп. Глаза его загадочно заблестели, и в них как будто и в самом деле мелькнуло раскаяние.

– Кейли не твоего поля ягода! Ясно? Ты слишком много о себе возомнил!

«Попытки убедить подозреваемых в том, что они не правы или заблуждаются, как правило, ни к чему не приводят, – подумала Кэтрин. – Особенно когда дело касается злоумышленников с неадекватной психикой, таких как преследователи».

– Если вы вдруг не в курсе: Кейли не только отвечала мне на электронную почту, но и писала письма от руки! Да она мне чуть ли не в любви признавалась в этих письмах!

Видно было, что Мэдигану все сложнее подавлять в себе гнев.

– Слышь, Казанова, спустись уже с небес на землю. Точно такие же письма она рассылает десяткам тысяч других поклонников. Сотням тысяч! Юристы мне все по полочкам разложили: ты получил от силы пять-шесть писем по электронке, и еще дважды Кейли отправила тебе послания, написанные от руки.

– Детектив, юристам нельзя верить на слово!

– Эдвин, не один ты такой: многие фанаты мнят себя невесть кем. Даже я однажды не удержался и написал одной знаменитости! И что ты думаешь? Он мне ответил! Прислал фотокарточку с автографом...

– Он, стало быть? – перебил Эдвин.

Каким-то чудом Мэдиган в очередной раз сдержал волну захлестнувшей его ярости:

– Сынок, мы схватили тебя за жабры. Поэтому лучше сознавайся! Поверь, как только повiniшься в убийстве Роберта Прескотта, так сразу камень с души свалится!

– Пайк, мне больше нечего добавить. Я, пожалуй, пойду. Да, и вещи мои верните, пожалуйста. А то потом неприятностей не оберетесь. Я свои права хорошо знаю. Одно из двух: либо вы берете меня под стражу, либо отпускаете с миром.

Кэтрин повернулась к Арутяну:

– Деннис, против Эдвина есть улики? Доказательства его вины?

Полицейский потупил взгляд.

– На Эдвина у вас ничего нет, – ответила Дэнс на свой вопрос, прекрасно понимая, что Арутяну сказать нечего. Да и забежавшие глаза собеседника говорили красноречивее любых слов.

– Мы думали... В общем, улики нет.

– Деннис, вызови сюда Мэдигана.

– Зачем?

– Надо переговорить. Это очень важно.

Арутян нерешительно посмотрел на женщину, перевел взгляд на удостоверение агента КБР на ремне и, поджав губы, оцетинился густыми усами: помощник сообразил, что его обманули.

– Прости, у меня не было выбора, – сказала Дэнс.

Поморщившись, Деннис вздохнул, но Мэдиган все же набрал. В комнате для допросов зазвонил телефон. Удивление на лице старшего детектива – стоило ему только взглянуть на экран мобильного – тут же сменилось раздражением. Пока Мэдиган возился с телефоном, Эдвин повернулся и всмотрелся в зеркало Гезелла. Хотя Шарп и видел там лишь свое отражение, тем не менее Деннису и Кэтрин от его пристального взгляда стало не по себе. Ох уж эта чертова приторная улыбочка!

– Слушаю, – спокойно ответил Мэдиган, но от Дэнс не укрылась злость копа: он так вцепился в трубку, что аж костяшки пальцев побелели.

– Шеф?

– Ну что там стряслось?

– Тут рядом со мной агент Дэнс, она хотела бы... вас на пару слов. Если это, конечно, возможно.

Мэдиган изумленно воззрился на зеркало, а затем быстро взял себя в руки.

– Что, прямо сию минуту?

– Да. Похоже, дело срочное.

«Такое ощущение, будто он видит нас», – подумала Дэнс, глядя на Эдвина: тот все не спускал глаз с зеркала.

– Как это, интересно, она вообще там оказалась?.. Короче, некогда мне!

Кэтрин выхватила у Денниса телефон и сказала:

– Пожалуйста, ни в коем случае не арестовывайте его! Лучше отпустите!

Мэдиган бросил трубку и снова предложил подозреваемому воды.

– Я хочу уйти, – повторил Эдвин невозмутимо: ну просто само спокойствие!

Детектив, пропустив его просьбу мимо ушей, вышел из комнаты. Кэтрин тут же кинулась к нему.

– Ты что это себе позволяешь, черт возьми? – крикнул Мэдиган.

– Удерживать Эдвина ни в коем случае нельзя. Особенно если против него нет прямых улик...

– Это мое расследование, а не твое! Усекла?

Дэнс понимала, что Мэдиган боится уронить свое достоинство среди подчиненных, но все равно продолжала давить: положение было серьезное.

– Вы должны отпустить Эдвина!

– Твоя догадка насчет насильственной смерти Бобби еще не дает тебе права врываться и командовать тут направо и налево!

«Так, значит, Деннис не приписал тогда заслугу себе! – подумала Кэтрин. – Что ж, и на том спасибо!»

– Освободите Эдвина!

– Стало быть, ты теперь встала на его защиту? – дрожащим от гнева голосом осведомился Мэдиган.

– Дело вовсе не в этом. Мы тут не отношения выясняем, а расследуем преступление, между прочим. Я не отрицаю: Эдвин вполне мог убить Бобби. Но если отправить его под суд прямо сейчас, без улик, то он выйдет сухим из воды.

– Я подчиняюсь шерифу Гонсалес, но никак не КБР.

– Отпустите Эдвина и установите за ним слежку. Только так мы сможем упечь его в тюрьму!

– А что, если он ускользнет от слежки и прикончит Кейли? Как Ребекку Шеффер?

С этим делом Кэтрин была хорошо знакома. Ребекка Шеффер, голливудская актриса, погибла в конце восьмидесятых от руки психически неуравновешенного поклонника. Именно после этой трагической смерти в Калифорнии и приняли закон о предотвращении преследований.

– Как, говоришь, там называется эта твоя фигня? Кинесика? Вот и скажи мне тогда, что же такого необычного ты увидела в поведении Эдвина на допросе? Помнишь, наш друг заявил, что его, дескать, подставили: лгал он или нет? Уверен, ты ему дыру во лбу прожгла – так смотрела! Ну же, колись!

– В таких условиях сложно оценивать поведение подозреваемого. Нужно больше времени.

– Ах, вот оно что!

– Детектив, Эдвин попросил разрешения уйти, а вы удерживаете его силой. Так дела не делаются.

Мэдиган посмотрел на Шарпа. Тот достал из кармана ручку, взял блокнот и что-то быстро-быстро там строчил.

Старший детектив окликнул Арутяна и скомандовал:

– В наручники его и под стражу. Вторжение в частную собственность. Улики против, зуб даю, найдутся.

Мэдиган повернулся к Дэнс:

– Кристал отвезет тебя к машине. Если тебе не хватило времени «прочитать» меня, то я помогу. Сейчас я не в духе, а обманув Арутяна и прорвавшись сюда, ты меня просто взбесила. У меня сейчас настроение кого-нибудь арестовать! Поэтому убирайся-ка ты отсюда подброду ко всем чертям!

Глава 16

После пятнадцати минут напряженного молчания Кристал Стэннинг наконец произнесла:

– Вы не подумайте... я ведь не нарочно... заблокировала вашу машину. Без всякой задней мысли припарковалась... Просто так вышло...

– Принимается, – только и ответила Дэнс.

Они добрались до трейлера Бобби. Выгоревшая на солнце «тойота» скрипнула тормозами, намекая, что неплохо бы пройти техническое обслуживание.

Трава, еще утром казавшаяся чуточку живой, хотя и запылившейся, теперь, после целого дня на солнцепеке, представляла собой зрелище более чем удручающее. Воздух маревом струился над раскаленным металлом «ниссана».

– Ого! Ваш джип, похоже, вот-вот воспламенится! За руль я бы садиться не советовала: были случаи, когда люди получали ожоги! Можете себе представить? – сказала Стэннинг, отыскивая в сумочке ключи от служебной машины.

– Ничего, как-нибудь справлюсь.

– А ведь уже сентябрь! Подумать только! Ничего не скажу про таяние ледников и глобальное потепление, но во Фресно за последние годы стало значительно жарче.

– Ничего себе, – отозвалась Кэтрин.

– Советую прикупить солнцезащитный отражатель под лобовое стекло. В магазинчике «Райт эйд» можно разжиться. Работает безотказно. Хотя вы, наверное, ненадолго?

«Неужели это Мэдиган надоумил ее задавать такие вопросы?» – невольно задумалась Кэтрин и сухо ответила:

– Спасибо за совет.

– Можно кое-что сказать тебе по секрету? – доверительно произнесла Кристал, переходя на «ты». – Как говорится, между нами, девочками?

– Ну разумеется.

– Кейли Таун – очень важная персона здесь, во Фресно. Именно она сделала наш городок знаменитым, а так – это та еще дыра. По уровню жизни Фресно занимает самые нижние строчки в рейтингах. Не знаю, что там на уме у шефа, но, похоже, он думает, будто ты хочешь извлечь какую-то выгоду. То ли для себя лично, то ли для КБР. Он боится, что ты уведешь у нас дело, и тогда плакали денежки шерифа! А сумма на кону может оказаться немалая!

– Плакали денежки?

– Ага. Если мы не раскроем это дело, то на следующий год нам не выделят достаточно средств из бюджета – так говорит Мэдиган. Понимаешь, он душой болеет за наше управление и бьется в администрации за каждый доллар. Однажды наши криминалисты запороли анализ следов в грязи на месте преступления, просто потому что не хватило денег на нужное оборудование. А похищенную девушку вскоре нашли убитой. Так вот, случай этот у шефа из головы не идет, и он каждый год отчаянно пытается раздобыть побольше средств на нужды нашего управления – на какую-нибудь очередную машину для анализа грязи.

– Понимаю.

– И он раздобудет эти деньги во что бы то ни стало, – таков уж наш Мэдиган, – подытожила Кристал.

И, не сказав больше ни слова, Стэннинг села за руль и уехала.

Дэнс подошла к «ниссану».

«Что же делать? – подумала Кэтрин. – Можно попробовать, конечно, расследовать это преступление вместе с несговорчивыми местными умельцами, но пойдет ли на это наш босс в Сакраменто? Вряд ли. Что бы там ни нафантазировал себе Мэдиган, КБР – не то место, где гоняются за громкими делами».

В КБР вообще не занимались преследователями – не их профиль: даже если бы речь вдруг зашла о звезде мирового масштаба. Но у Кэтрин было целых три причины остаться. Во-первых, Кейли Таун – ее подруга. Во-вторых, в опасности не одна только Кейли, и Бобби тому подтверждение. А в-третьих, Эдвин Шарп играючи оставил старшего детектива Мэдигана в дураках.

«Эта странная улыбочка, ледяное спокойствие и невероятная осведомленность – Эдвин вооружен до зубов, и голыми руками его не возьмешь!.. Что же скрывается за этой фальшивой улыбочкой? Что у него на уме? Что на сердце?»

В общем, Эдвин Шарп казался агенту Дэнс субъектом прелюбопытнейшим. В отличие от других преступников, раскусить его с ходу она не смогла. Это был настоящий вызов ее профессионализму.

Кэтрин села за руль «ниссана».

И тут же, ошпарившись, выпрыгнула.

«Господи, да там градусов пятьдесят, не меньше!» – ужаснулась она, после чего наклонилась в салон, завела двигатель и включила кондиционер на полную мощность.

Дождаясь, пока салон автомобиля охладится, Кэтрин подошла к оцепленному сигнальной лентой трейлеру Бобби. Мысли ее снова вернулись к невероятной коллекции музыкальных артефактов.

Ветер колыхал чахлую траву и кусты, поднимал с земли клубы пыли, похожие на призраков, и от этого пейзажа ощущение полной заброшенности лишь усиливалось. Кругом ни души, внимание привлекал только совсем еще молоденький, едва оперившийся патрульный азиатской внешности за рулем полицейской машины. Автомобиль он припарковал таким образом, чтобы одновременно наблюдать за трейлерами как Бобби, так и Табаты.

«Если Мэдиган все-таки арестовал не того, – подумала Кэтрин, и по спине, несмотря на жару, пробежал холодок, – то страшно представить, что натворит за это время, руководствуясь принципом „один куплет – одна жертва“, настоящий убийца, пока полиция будет бездействовать».

Вскоре салон «ниссана» достаточно охладился, Дэнс села за руль, включила передачу и поехала прочь. Вслед ей, словно бы махая на прощание, трепыхалась на ветру желтая сигнальная лента.

«Звонить или не звонить?» – колебалась Кэтрин, уже предвкушая всю прелесть препирательств с боссом.

Через каких-то десять секунд все-таки решившись набрать офис КБР, она попала на автоответчик.

– Чарльз, это Кэтрин. Мне нужно возглавить расследование во Фресно. Перезвони, я все объясню, – произнесла Дэнс. Она хотела было добавить, что понимает, какой эффект – эффект разорвавшейся бомбы – произведет эта ее инициатива взять дело на себя, но в последний момент передумала.

«Обсудим, когда Чарли перезвонит», – заключила Кэтрин и отсоединилась.

Глава 17

Жилище Кейли Таун, двухэтажный особняк в викторианском стиле, располагалось к северу от Фресно. Прилегающие к нему угодья занимали ни много ни мало двадцать акров.

Сам особняк, площадью всего в две с половиной тысячи квадратных футов, огромным назвать было нельзя. Но строили его для Кейли настоящие профессионалы. Певица предоставила им полную свободу действий, выдвинув только одно условие: «Мне нужен уютный дом». Семь месяцев в году Кейли находилась в разъездах, а потому она отчаянно нуждалась в уютном гнездышке, где в перерывах между гастролями могла бы отдохнуть и полностью расслабиться.

Детство Кейли и ее старшей сестры Сью прошло в доме, находившемся на отшибе, в горах к северу от Фресно. Когда Кейли исполнилось двенадцать, Бишоп Таун этот дом продал.

«Туда трудно добираться зимой» – так он объяснил свое решение расстроенным дочерям. Но в действительности отец продал родовое гнездо, потому что хотел выйти из тени предков. А еще потому, что этот простенький, грубо сработанный дом по статусу совсем не подходил звезде кантри-музыки. Из неприглядного, но уютного жилища Тауны переехали на ранчо, раскинувшееся в Калифорнийской долине на пятьдесят акров. Ранчо обошлось Бишопу в десять миллионов долларов. Тут были и овцы, и крупный рогатый скот – все, как полагается! Да вот только Бишоп Тауна ни те ни другие не интересовали.

И переезд, и продажа дома дались Кейли непросто. Но самое ужасное поджидало впереди: Бишоп продал землю местной горнодобывающей компании, и ее владельцы, желая расшириться, сровняли их родовое гнездо с землей. Вскоре компания обанкротилась, а душа у девушки опустела: получается, родовое гнездо принесли в жертву напрасно.

В память о любимом доме Кейли написала песню, мгновенно взлетевшую на верхние строчки хит-парадов.

Жила я в Эл-Эй, и в Нью-Йорке, и в Мэне,
И в прериях Запада, там обалденно,
Но домом назвать я могу только место,
Где вихрем промчалось счастливое детство,
И жизнь мне казалась прекрасным сном
В большом старом доме рядом с рудником.

Серебряный рудник...
Там день мелькал как миг,
И жизнь мне казалась прекрасным сном
В большом старом доме рядом с рудником...

В просторную гостиную уютного особняка вошел Бишоп Таун, тот самый человек, который своим решением продать старый дом когда-то так сильно травмировал душу дочери.

Отец наклонился и обнял Кейли.

Следом зашла Шери, жена Бишопы. Четвертая, если Кейли, конечно, не сбилась со счета. Недавно у мачехи и падчерицы случился дурацкий спор из-за мебели, но Шери все же подошла и тоже обняла девушку – ни один пепельно-белый локон при этом не выбился из ее идеально уложенной прически. Маленького роста, но с пышными формами, Шери была на десять лет старше Кейли. Чего не скажешь о предыдущей супруге Бишопы! Его жена номер три запросто могла сойти за ровесницу падчерицы, а то и за ее младшую сестру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.